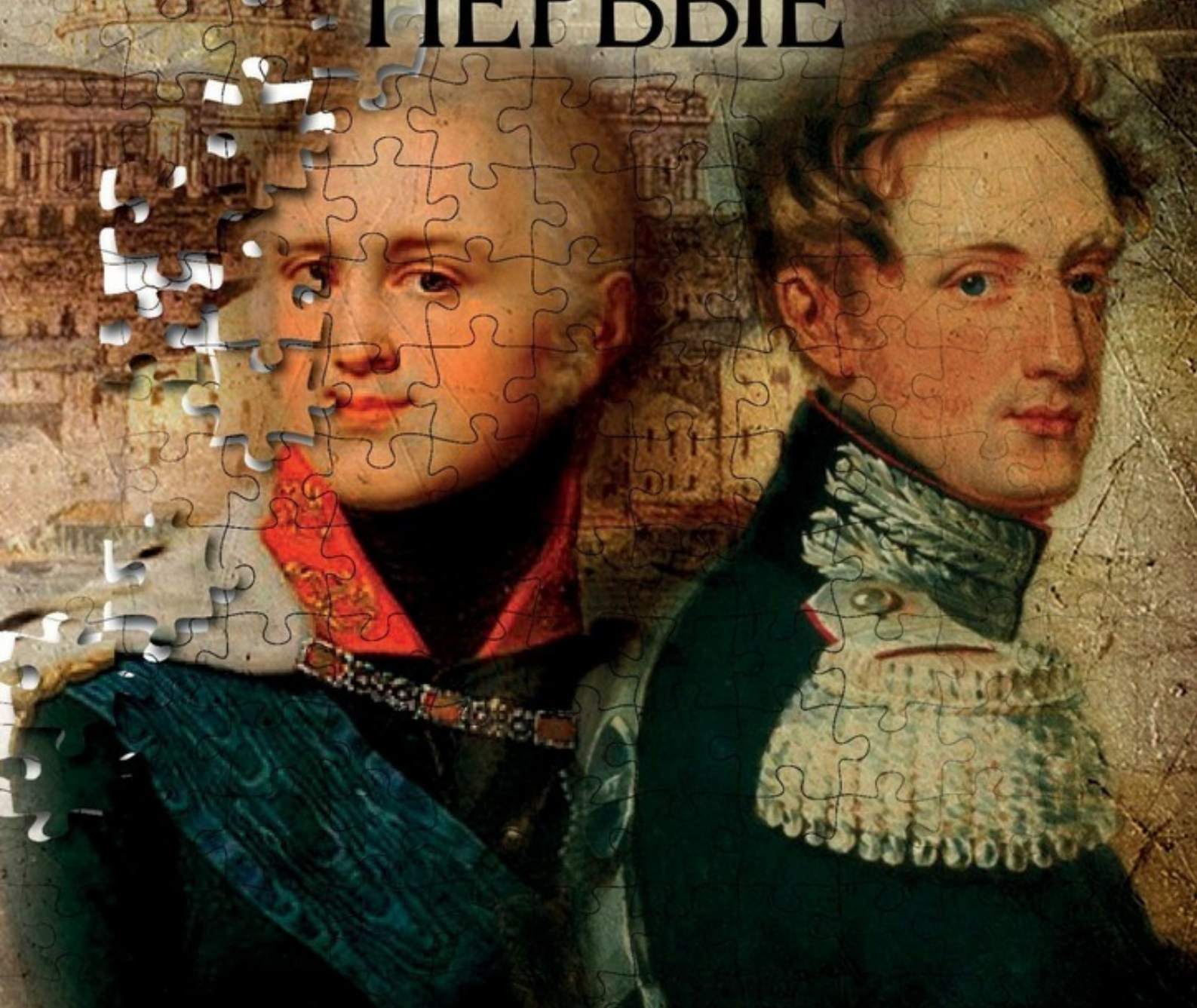

Олег Алифанов

БРАТЯ АЛЕКСАНДР И НИКОЛАЙ ПЕРВЫЕ

Олег Алифанов

**Братья Александр
и Николай Первые**

«Издательские решения»

Алифанов О.

Братья Александр и Николай Первые / О. Алифанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-599254-3

Через голову цесаревича Константина Александр договорился с Николаем о передаче власти в форме военного путча, имитирующего свержение Константина, что было необходимо для освобождения Николая от всех неписанных обязательств, которые обязан был исполнить законный наследник престола. Николай получил время на завершение реформы управления: создания национальной администрации нового национального государства.

ISBN 978-5-00-599254-3

© Алифанов О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Чуть назад	8
Что происходило в Европе	11
Как Александр дошёл до жизни такой	16
Слабый царь	20
Англо-русский контрданс	24
1812, далее везде	32
Желанная война один на один	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Братья Александр и Николай Первые

Олег Алифанов

© Олег Алифанов, 2023

ISBN 978-5-0059-9254-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вообще, братьев Первых было трое: Александр, Константин и Николай. Все трое в разное время были императорами. Константину не повезло. Он оказался в середине. Ему сделали «коробочку».

Я покажу, как, а, главное, почему два брата устранили третьего. Хотя, сама фигура Константина интересна лишь в незначительной степени – устранили, так устранили, не он первый, не он и последний, хотя он успел побыть К. Первым. Занятны, но не слишком важны и обстоятельства устранения. Зато очень важны и интересны причины, стоящие за этим: как внешние, так и сгенерированные самими двумя крайними братьями.

Нередко (да почти всегда) общее время Первых делят на два: александровское и николаевское. Парадоксы начинаются сразу. Самый общий анализ даёт возгонку к единственной первопричине: судьбе Пушкина. Александр тёзку «посадил», а Николай мгновенно возвысил. Одновременно, Александр был реформатор, а Николай реакционер. Вот как.

Эта *наше-всё*-абберрация (подспудно) способствовала тому, что некоторые ключевые события эпохи правления Первых интерпретируются крайне неполно и противоречиво. А генеральной ошибкой является рассмотрение «эпох» Александра и Николая раздельно. На самом деле, николаевская политика это прямое продолжение дела Александра и, вероятно, при прямом (на ранней стадии) его участии.

Вот эти события-парадоксы. Ко всем пунктам надо добавлять слово «странный» или «неожиданный», его и добавляют; ещё любят слово «загадочный». Но можно показать, что при нормальной логике и одном-единственном допущении все странности исчезают.

- Поворот Александра от либерализма – к консерватизму
- Призыв – отстранение – возвращение Сперанского
- Русско-английский – русско-французский – русско-английский союзы
- Долгие войны с Турцией и Персией – молниеносные войны с Турцией и Персией
- Покровительство тайным обществам – гласный указ о запрете
- Антирусская – антианглийская доктрина Монро
- Греческое дело: за, против и снова – за
- Обещание Константину Польши – и полный отказ
- Призыв Библейского Общества – и его роспуск
- Смерть – или уход Александра от власти
- Путч – контрпутч 1825 («Восстание декабристов»)
- Царь Николай – царь Константин – царь Николай
- Священный Союз: целостность монархий – и право наций
- Кодификация законов Александром – и Николаем
- Турция – враг и Турция – союзник
- Реформа администрации Александра – Николая

Объясняется это переменчивостью и влияемостью Александра. Всю жизнь, как дитя: то на него влиял Лагарп, то Сперанский, то Аракчеев, Голицын, Фотий, Наполеон, Меттерних, Каслри, Талейран... А слабый Александр всем поддавался и подыгрывал. Но как-то само собой «волею вещей» оказался в Париже, сам занял первенствующее положение в мире, а страну вывел на второе место на 40 лет, чего не было ни до – ни после.

Эпоха Александра на 80% совпадает с эпохой Наполеона.

Наполеон принял свою страну на втором месте, и, идя от победы к победе, оставил за пределами клуба великих держав. Александр, проведший жизнь в метаниях и военных пораже-

ниях, поднял свою с пятого места на второе. Наполеон был первым человеком в мире, а закончил в ссылке, и место жительства ему определили другие. Александр стал на первое место и сам выбирал, когда и как ему с него сойти. И это не только в эпоху блестящих мундиров, но и великих «пиджаков». Как так? А так. «Волею вещей».

Вот эту «волю вещей» и разберу. Разберу в хорошем александровском строевом темпе 3:2, так чтобы книгу можно было прочесть за один вечер. Но если кто ожидает академического изложения – вам не сюда.

Начну с главного: с вывода, чтобы после перейти к предпосылкам и доказательствам. Этот вывод единственный увязывает имеющиеся факты, развязывая «странные» узлы. Итак:

Через голову цесаревича Константина Александр договорился с Николаем о передаче ему власти. Это прямо нарушало закон о престолонаследии, но *именно в такой форме* было необходимо Александру для фиксации достигнутых результатов и освобождения Николая от всех неписанных обязательств, данных Александром, и которые обязан был бы исполнить *законный* наследник престола (любой). То есть, просто поменять закон – не годилось. Нужно было продемонстрировать вопиющее *беззаконие*. Зато Николай получал время на завершение реформы государственного управления. После «смерти» Александра был разыгран государственный переворот (отстранение Константина), развязавший Николаю руки, а Александр, вероятно, ещё некоторое время осуществлял кураторство своих проектов и помогал неопытному Николаю, которого слишком мало готовили к управлению государством в целом.

Всё это было необходимо Александру и Николаю для создания национального государства и национальной администрации. Одному это было не под силу – процесс слишком долгий, а Константин на роль продолжателя дела совершенно не годился – не про то человек. Процесс создания государства с новым типом управления не мог, конечно, встретить благожелательного отношения со стороны соперников. Для выигрыша времени и маскировки действительно важной реформы Александр использовал годы альянса с Англией и Священный Союз.

За всеми событиями стоит сначала скрытая, а потом явная борьба между Британией и Россией (а не борьба России с Францией). После низложения Франции с места мирового лидера, она откатилась в ряд примерно равных держав (сначала на 2-е, а после на 5 место), за Австрию и Пруссию. Россия к Венскому конгрессу вышла на твёрдое второе место (никогда до и никогда после) с большим отрывом от третьего и с ощутимым от первого. Лафа закончилась через 40 лет.

Чуть назад

В 1776 году французское королевство спровоцировало американский мятеж, поддержав сепаратистов флотом и армией (военных «советников») и добилось выгодного для себя Парижского мира (там было несколько договоров, например, редко упоминаемый договор между Британией и Францией). Дееспособный тогда ещё Георг III отправил на саммит к Бенджамину Франклину, изобретателю железного штыря, его друга, такого же учёного масона, изобретателя железного занавеса Гартли – оба всю жизнь играли с огнём и потому неудивительно, что следующий «ЖЗ» изобрёл Черчилль. Англичанин перед тем прославился поджогом королевской семьи, якобы он пригласил их в специальный дом и подпалил его, но изобретённые им перегородки спасли августейших особ (вероятно, легенда).

Французы ликовали недолго. Месть осуществилась во время Великой Французской Революции (ВФР), одной из причин которой британские историки остроумно стали называть финансовый кризис, якобы порождённый долгами от войны в Америке, что чушь, ибо долговые проблемы государства сами по себе никогда не ведут к революции¹. В деле революции вообще ничего само собой не бывает: необходимы персональные интересанты, например, герцоги Орлеанские. ВФР – это, на самом деле, череда перетекающих друг в друга переворотов, одним из которых был чисто террористический. Кордельеры, якобинцы и т. п. – прямые агенты Британии, без стеснения финансировавшиеся с острова – французскую королевскую семью казнили. Такой английский юмор: подожгли – но не спасли («помни о Гартли!»)²

Конечно, убить монарха было недостаточно, следовало уничтожить интеллектуальный правящий слой, с чем террористы справились блестяще. Поняв, насколько эффективнее падение чужого государства, чем рост своего, Британия пожелала распространить опыт разрушения государственного механизма и на прочих конкурентов. Сама по себе Россия, конечно, никакой угрозы Англии ещё не представляла, а лишь только как союзник Франции. И вскоре при явной поддержке Англии был убит переметнувшийся к Франции Павел. Операция прошла настолько успешно, что у всего мира возникло впечатление, что наследник Александр в ней участвовал.

Казалось бы, метод найден (его нашли французы) и прекрасно себя показал. Он опирался на механизм масонских лож (то есть агентов влияния на средне-высокий уровень управления чужой страны). Для сепаратистов американской революции, например, в 1776 «Великий Восток Франции» вычленил специальную ложу «Девять сестёр», куда входили Бенджамин Франклин, Джон Пол Джонс и многие другие знаменитости, для понта – Вольтер. Впоследствии, в отсутствие конкуренции «Великого Востока» англичане метод модифицировали в сторону удешевления. Если французы хотя бы символически подчёркивали идею главенства высокой культуры (девять сестёр – это девять муз), то англичане в культуре как раз играли на понижение: культура вся была французской. В ногу с борьбой за мир по миру маршировало пугало шекспиризации.

Но Александр этому методу влияния на собственных подданных воспротивился и изобрёл масштабное противоядие, реализованное им на пару с Николаем. Это – национальная администрация.

¹ Поражает то, что на этой версии спекулируют и сегодня, хотя давно известно, что из Американской войны все без исключения участники вылезли с громадными долгами, и как раз Британия возглавляла парад нищеводов. Но революции там что-то не случилось.

² О ВФР говорится, как о гражданской войне на фоне войны внешней. На самом деле, это одна война, в существенном смысле, калька «американской революции», со множеством одних и тех же лиц. О прямом участии Британии в ВФР говорится всегда вскользь, так же, как и прямом участии Франции в Американской революции. По сути же, ВФР – это завершение столетней (с перерывами) англо-французской войны за мировое лидерство, шедшей весь XVIII век. Эта тема будет не раз подробнее отражаться в книге.

Тут надо ясно понять, что *национальная администрация* – контрапункт всего правления Александра, изобретение всемирно-исторического значения и революция в деле построения национальных государств.

Революция, – а прошла так гладко, что историки её *просто не заметили*.

В России английское влияние (его называли «французской заразой», но это не должно обескураживать: в этих делах всегда так) в существенной степени купировала ещё Екатерина, и, воспользовавшись ослаблением Франции, усилила влияние России, – однако хватило лишь на то, чтобы её страна стала рассматриваться в числе *одной из* великих держав (с совещательным голосом). Первичное признание этого произошло во время неформального турне Екатерины и императора Иосифа II в недавно присоединённую Тавриду. (Но, вот, например, Пильницкая декларация обошлась без России. И Людовика XVIII комически долго уговаривали прислать Екатерине просьбу о его признании, уже после того, как признание поспешили выдать.)

Никаким либеральным реформатором Александр, конечно, не был. Ни одна крупная реформа, например, земельная, не была возможна из-за общего невысокого культурного уровня – всех сословий. Александр содержал «негласный комитет» в декоративных и декларативных целях. Даже само название Комитета было декоративным: «негласный», а все знали. Занимался он совершенно разнородной чепухой, уровень был юношеский. Он состоял из противоречивых персонажей, единых только в англomании («хотим, чтобы как у взрослых, то есть сесть лордами в русский парламент»). Комитет был необходим молодому Александру для демонстрации возможности конституционализации России и пропаганды лично себя в различных группировках, откуда проистекали комитетчики. Это был вдобавок явный кивок в сторону Англии после ВФР, точнее, после спровоцированного и оплаченного Британией якобинского переворота. Александр говорил (как бы *негласно*, но так, чтобы до всех донеслось): вот завтра конституция, а потом парламент, а потом совсем уйду – кто хочешь заходи, что хочешь бери. Но... надо только чуть подождать, вот, целый комитет работает. Развил такую бурную пропаганду либерализма, что ввёл в заблуждение не англичан даже – историков!

После прихода к власти он стал (обязан был стать) каждой бочке затычка. «Конституцию пишете? И я с вами!» «Богу молитесь? И я буду!» «Цареубийство готовите? И я Брут!» Разумеется, это было византийство (то есть типовое западное европейство, упакованное Лагарпом в обёртку мифического восточного), – имитация, хождение галсами. На самом деле никто в России, включая Петра не был столь абсолютным правителем, как Александр.

Часто приходится читать о монархах: «Некий №N сделал то-то» и при этом понимать, что высказывание о личном участии сильно преувеличено, правильное читать: «при правлении такого-то было сделано...» Но в случае Александра можно смело говорить о его личной воле и личном же интересе: во-первых, чтобы не убили, во-вторых... достаточно «во-первых».

Но и *во-вторых* вскоре появилось: вывести *свою* державу в мировые лидеры. И это, как я покажу дальше, вовсе не прихоть гордого и избалованного человека, угодившего во власть «волею вещей», а государственная необходимость. «При мне как при бабушке». Только на сей раз – на самом деле. Отличие от бабушки было одно, но принципиальное. У неё своё царство появилось лишь с присоединением огромной массы восточных, южных и западных земель, – а до этого она была узурпаторшей земель чужих. А внук узурпаторши Александр был царём законным! Такой монархический парадокс. «Заиграно». Разумеется, барьеры степеней свободы при этом никуда не делись, и власть царя по-прежнему была ограничена царевубийством. Не случайно он вёл дела лично, особенно дела внешней политики. (А совсем особенно – внутренней.) В числе главных дипломатов своего времени (Меттерних, Талейран, Каслри) он не стоит только потому, что неудобно: царь. Россию на второе место – ценой минимально возможных в таких случаях жертв и потрясений – вывел лично. Попеременно используя им раз-

громленные, униженные и спасённые державы. Даже в Париж был внесён на плечах «союзников». И ладно бы один раз – так дважды!

Помимо царубийства ограничителем Александра было время: первые 15 лет человек действовал в условиях жёсткого цейтнота европейской войны. Предпринимать стратегические проекты он мог с большим трудом. Большая стратегия началась в Вене. С Венского Конгресса я бы с удовольствием ввёл для Александра титул «Большой А». Без номеров и присвистов «великий».

В начале его правления Россия находилась в двусмысленном положении: культурно французская (соотношение английского и французского у Пушкина 1:3), в торговле она была привязана к Британии (торговое сальдо с Францией было всегда отрицательным). Это породило множество дипломатических комбинаций как со знаком плюс, так и минус. Внутри страны было то же самое: сильная английская партия экспортёров противостояла условной партии импортёров (Румянцев и пр.) Этот когнитивный диссонанс Александр разруливал вручную, зато научился сам выстраивать неразрешимые противоречия для других.

Не Александр, а ещё Павел затеял Большую Игру, но, взявшись за дело слишком ретиво, быстро проиграл. Начал атаку по флангам (не только индийский поход, главное – Средиземноморье и – Мальта) и пропустил хук табакеркой. Александр перевёл бокс во французские шахматы, причём благодаря личному дипломатическому гению умел делать три хода за два противников. В обеспечение лишних ходов выдавал дипломатические же векселя, которые никогда не оплачивал. Примером является блестяще проведённое (и оконченное Николаем) «дело Греции».

Что касается Большой Игры, то агрессором выступала именно Россия, как страна более молодая и атакующая мир. Штука в том, что Англия сама была лишь немного старше и тоже ещё атаквала мир (если бы она была столь же старой, как и Рим, к которому она себя усиленно притягивает, то, скорее всего, её бы уже просто не было: с тех времён государств не сохранилось, не осталось и культур, разве что «Возрождённые», то есть привитые к сухому дереву).

Ну и последнее: никаких, конечно, всамделишных *тайных* обществ в России не существовало (их вообще нигде не было, т. к. организуются такие вещи сверху). Не случайно на ор недалёкого Фотия «в твоих университетах всё готово для революции» Голицын визжал: «что я могу поделывать, царь сам того хотел!» А понимать было нечего: Александр делал противоположные вещи умышленно: занять беготней всех – и революционеров и консерваторов – держи друзей близко, а врагов ещё ближе. И каждый по отдельности видел в нём верного сподвижника: Фотий, Голицын, Аракчеев, Сперанский... Все тайные общества полностью контролировались Александром, более того, он сам их и создавал, утилизируя протестных дураков, сидевших на своих имениях только благодаря самодержавию и не понимавших, что пилят сук, на котором сидят.

Что происходило в Европе

Нужно ясно отдавать себе отчёт в том, что:

1. Александр получил власть посередине мировой войны.
2. Во время войны произошёл государственный переворот.
3. Россия воевала за свой интерес.

Эти тезисы, увы, нуждаются в разъяснении.

1. Стандартная модель крайне странно изображает войну 1792 – 1815. Её разбивают на две крупные части и множество мелких (коалиции, кампании). В многочисленных перерывах, вроде как, был мир. Делается это для того, чтобы скрыть единую мировую метавойну с крайне несимпатичными целями и средствами. Отсюда и терминология, с разных сторон: «интервенция», «революционные войны», «узурпатор», «борьба за свободу Европы»... А это был критический момент – смена мировых лидеров. Государства, проигравшие тогда борьбу за лидерство и вице-лидерство, впоследствии, хотя и поднимались на короткое время ценой невероятных усилий и рисков авантюристической политики, пали и вышли из игры.

Суть войны всех контрреволюционных и антинаполеоновских коалиций: борьба континентальных союзников за второе место после падения Франции с пьедестала в результате ВФР. Слабо понимается также регулирующая роль Англии в том, чтобы на втором месте не оказалось вообще никого (Каслри, например, добивался приращения Пруссии, дабы подровнять её силу к Франции, Австрии и России). Считается, что многочисленные войны вели недалёкие европейские монархи и генералы против гения «всё-в-одном» Наполеона – и четверо против одного (если считать по крупному, без курфюрстов и шведий) не могли одолеть его 15 лет (а до того ещё 8 лет без толку мяли Францию донаполеоновскую). Постоянно заявляется о неких противоречиях у союзников, при этом прямо не говорится о главном. На самом деле, в войнах, где жертва намечена, согласована и уже всем очевидна, происходит другое: псевдвойна внутри коалиции победителей – жёсткая игра на вышибание лишних, чтобы с ними не пришлось делиться результатами общей победы, при этом, желательно использовать будущего лишнего в качестве расходного материала. Совершенно то же самое происходило и в 1-й и во 2-й мировых войнах (это тоже единая война с перемирием).³ Наполеон же понимал это прекрасно, потому хладнокровно и точно действовал против «всего мира».

Не верно и утверждение, что вся Европа воевала против Франции. Если бы воевали все и сразу, то победили бы все и сразу. А что делать дальше? Как делить? Как не оказаться тем, кого будут делить после? Поэтому все воевали со всеми: политически удобно было иметь Францию в качестве эталонного спарринга, матчами с которым остальные меряются силой и влиянием. Участие в коалициях позволило России дотянуться до отдалённой Франции через множество границ. А сама война (не так важно, победил или нет) против мирового лидера уже повышает статус. (Павел так делал, отправляя Суворова в Италию и контингент в Голландию, рассчитывая на признание Англии – не признали; тогда направил контингент против Англии – вообще убили). Потому Александр такое большое значение придавал личным встречам с Напо-

³ Это выходит за рамки книги, поэтому пусть будет за рамками. Гений Александра становится очевиден, стоит только понять, как он растолкал всех конкурентов и сумел заставить считаться со своей страной мирового лидера Англию, которая вообще в войне не особенно участвовала – получила своё раньше. То есть он выиграл не только войну главную, с Наполеоном, но и самую главную – против добрых самаритян Пруссии, Австрии и, в существенной степени, Англии, которой не удалось добиться второй цели – уравнять претендентов на дальних подступах к себе. При этом заставил воевать Пруссию/Австрию. В 1МВ сердечные союзники России из числа победителей просто вышибли пинком, во 2МВ, в общем, тоже, и только ценой гигантских жертв СССР удалось поучаствовать в разделе мира, примерно на равных правах с «сопротивлявшейся» Францией, но безо всякой пользы для послевоенной жизни народа-победителя.

леоном и старался не пропускать приглашений. Ведь с Наполеоном больше никто не мог встречаться на равных. Его спокойная встреча в Эрфурте, которой опасался даже ближний круг Александра (арестует!) говорит не о храбрости, а о ясном понимании сути дела. Тут отчётливо видна разность в осведомлённости между монархами и их даже ближайшими сподвижниками.

Почему русские вообще оказались в этих дурацких коалициях? Советские (они же – постсоветские) представляли дело ёмко: «немецкие цари, дураки и негодяи, посылали солдат проливать народную кровь в чужих землях за чужие интересы». На самом деле участие в коалициях (поначалу на вторых-третьих ролях) позволило России законно влезть в кучу-малу, где загонщики делили раненого зверя (Францию). Поначалу с перочинным ножиком отрезать ушко, – под конец Россия залезла на стол с ногами и, орудуя большим тесаком, сплёвывая Молдавию и Валахию, отпугивала прочих интересных.

Попытка рисовать Россию агнцем во главе с императором-миролюбцем, стремящимся к системе коллективной безопасности, ничего кроме смеха вызвать не может. Это в век безудержной экспансии и жестокой драки на выбывание! Александр стремился вывести Россию наверх, спихнуть конкурентов и учредить такой послевоенный режим, чтобы его позиция не пошатнулась, и при этом безнаказанно дёргать за вымя (совместно с другими) мирового лидера Англию. Пять хищников могут сколько угодно рядиться в овечьи шкуры, но негоже историку поддаваться на пропаганду начала XIX века.

Александр и всё российское прогрессивное общество ратовали за войну. Россия, плетшаяся в хвосте великих держав, не имела шанса в мирном развитии догнать никого из опережавших её соперников и, в конце концов, была бы выдвинута из клуба с крайне неясным статусом в будущем. В культурном смысле Россия проигрывала не только любой из великих держав, но и многим аутсайдерам. Мировая война позволяла авторитарно и относительно безопасно для монарха мобилизовать внутренние ресурсы для ускоренного развития, прежде всего, культурного, чем Александр воспользовался блестяще.

2. Говорят: не государственный переворот, а дворцовый. Ну, расхожий такой мем, придумали и звонят: «век дворцовых переворотов», как раз ровно 100 лет. Это красиво, люди такие штуки любят. Но касательно 1801 не верно – в корне (относительно 1825 тоже не верно, но корень другой). Переворот был именно государственный, потому что сменилось оба вектора: внутренней и внешней политики. Похожий переворот произошёл в феврале 1917 – и страна рухнула. А в правление Александра – взлетела до небес. Уже одно это можно бы поставить ему в заслугу. Но – не ставят. Можно найти десяток аргументов, мол, сравнение некорректно потому что... и т. д... Но, ещё раз, если по-крупному: мировая война и заговор в XIX веке страна – вверх, а в XX – вниз. А ведь республиканские технологии в александровское время уже существовали – и крайне успешно применялись. И террор и гильотина и проч. – всё имелось. Двести-триста русских якобинцев настрогать и насовать пятаков, а потом всё забрать и оставить с носом – вопрос в стране чудаков технический.

Не хочется терять темпа, поэтому версию о причастности Александра к гибели отца я выношу в Приложение. Оно не являет контрапункта, и никак не влияет на основную тему данного исследования. Но знать надо.

3. Часто приходится слышать, что Россия воевала за английский интерес. Однако, заглянем на полвека назад, в Семилетнюю войну, которую, как говорят, Россия тоже вела за чужие интересы. Люди не понимают. До того шукали по окраинам, а в Семилетнюю войну Россия впервые попыталась вступить в большую европейскую политику. Но – на правах государства второго ранга. Попытка вступить в клуб держав первого ранга (великих держав) не удалась. Произошло это только в царствование Екатерины, после фактической аннексии Крыма. Произошло так: с пятого места в результате долгой, показательной – на суше и на море – успешной

войны с Турцией Россия эту самую Турцию и выдавила, встав на её место. Расклад тогда был такой: Франция, Англия, Св. Рим. Империя, Пруссия, Россия. Авторизовал Россию император Св. Рим. Империи Иосиф II, которого специально для этой цели Екатерина выписала прокатиться по бывшей Турции. Тот авторизовал, на условиях своего младшего партнёра – и то, инкогнито, т. к. иначе ехать в Россию было неприлично. Напомню, он сам был только третьим, обращаться же к первым двум Екатерина, конечно, не решилась.⁴ Франция и Англия такими мелочами не интересовались, у них шла большая игра. Пруссия, объективно слабее России, была включена в первый состав Англией (в то время, державой №2) как раз в Семилетнюю войну, которая и велась Пруссией за вступление в клуб. Это произошло не просто так, а взамен Испании. Россию же включить в общество в ту «войну трёх баб» оказалось некому (некого больше было вытеснить), хотя Елизавета могла рассчитывать на поддержку союзной Франции. Но, где тогда Франция, а где Россия?

С самого момента взятия несчастного Берлина (а его на короткое время брали тогда дважды – австрийцы и русские) доносится плач о проклятом Петре III, профукавшем всемирно-историческую победу. Мол, уже тогда Россия могла бы... Но в Европе не так дела делались. В то время зафиксировать эту победу России никто бы не дал – не тот ранг. Так что перевернуть альянс было делом не таким уж недалёковидным: Александр впоследствии это делал трижды (а то и четырежды – тут как считать). Екатерина II, пришедшая к власти, не стала отменять решение свергнутого мужа и войска из Восточной Пруссии окончательно вывела. Значит, понимала истинный расклад сил. А правильнее – объяснили.

Рассмотрим ситуацию 1805 – 1814 с точки зрения стратегических национальных интересов, как их понимали тогда только что сформировавшиеся или ещё формирующиеся национальные государства. Александр во что бы то ни стало решил опереться на мощного ситуативного партнёра, и сделал Англию своим союзником в деле подавления континентальных держав. Одновременно он взял на себя роль посредника в отношениях держав с Англией. У него имелось два мощных козыря: крупная взаимовыгодная торговля и огромный потенциал в формировании армии. (Потенциал декларативный, его Александр почти никогда не использовал.) Остальные факторы: экономика, социальное развитие, культура, дипломатия были из рук вон. Просвещение, даже ещё проще: воспитание, находилось в зачатке: этим активно начала заниматься Екатерина, но масштаб страны не позволял дать его за одно поколение. Главное – у него напрочь отсутствовала необходимая для прорыва *национальная* верхушка. Дабы хоть как-то уменьшить значение негативных факторов, дипломатию он замкнул целиком на себя, устранив из этой сферы ненадёжную аристократию. На протяжении десяти лет он разыгрывал английскую карту планомерно и жёстко, с какой-то удручающей последовательностью.

Ситуация эта напоминает крушение Испании с места мирового лидера в период предыдущей мировой войны, которая состоит из так называемой Тридцатилетней (1618 – 48) и Франко-испанской (1635 – 59) войн⁵. Тогда сообща валили Испанию (помимо прочих дел), и она с первого места обрушилась на дно коробки великих держав (как можно видеть, процесс падения тоже был мучительным, с цепляниями), на мировом троне её сменила Франция, а вовремя подсуетившаяся Англия, пристегнувшись к новому чемпиону, вылезла на третью позицию (это,

⁴ Статус Бурбонов вообще был очень высок – выше не было. Людовик, XVIII, в принципе, никто, не встал в присутствии Александра. Тот хмыкнул: «будто не я ему, а он мне трон подарил» (вероятно, миф). В своё время англичане, чьи монархи были рангом (и даже, бывало, двумя рангами) ниже, как в басне «Лиса и виноград», придумали себе «конституцию», чтобы сделать вид, что им их Парламент встречаться с прочими монархами не велит. На самом деле, Бурбоны с большинством из них не стали бы общаться. Пётр (в будущем, Великий) тоже, конечно, не смог встретиться с Людовиком XIV, только с регентом Людовика XV, когда их ранги сблизилась. А с «английским» Вильгельмом запросто. Даже и с императором СРИ (Габсбурги – конкуренты Бурбонов), тут, правда, с натугой, в статусе союзника по большой (Великой) войне с Турцией.

⁵ Поскольку Тридцатилетняя война сильно позже выдумана немецкими писателями для ретроспективного поднятия статуса Германии, главным конфликтом надо считать Франко-Испанский. До кучи можно добавить ещё и Англо-Испанский (1654 – 60), который, правда, больше похож на войну за независимость Англии от Испании.

если считать сложно устроенный конгломерат Священной Римской Империи за одну штуку). Впрочем, распределение мест после Франции может вызывать дискуссии, но факт тот, что Англии до этого в большом клубе не было.

Тезис о войне за английский интерес, казалось бы, дипломатия Александра подтверждает просьбами о субсидиях и войсках, но разберёмся в стратегии. После разрушения французской государственной машины Англия свою задачу, в целом, выполнила. Она обменялась с Францией мировым лидерством. Теперь, имея темпы роста выше французских, Британия могла сконцентрироваться на мирном развитии и уйти в отрыв безо всякой войны. В сущности, реализацию этой стратегии мы и видим на протяжении эпохи противостояния Наполеону. При этом, продолжение разорительной войны континентальными конкурентами между собой давало приятный дополнительный бонус: падали все, а Англия росла – и за время войн всех коалиций выросла неимоверно (правда, параллельно вчетверо распух и долг).

В сущности, за подпитку войны Англия и платила, но, в общем, совсем немного даже для своих континентальных контрагентов. Деньги она давала агрессорам, для выравнивания континентального баланса, т. к. отчаянно барахтавшаяся Франция выдавила из себя республику и гигантским напряжением оставшихся сил сохраняла себя на очевидном втором месте, пытаясь отчаянно выстроить взамен казнённой и разогнанной новую национальную аристократию из всех племён и сословий – основу управления государством. При этом сами континентальные державы не желали упускать возможность добить надоевшую Францию и, раз уж появилась такая возможность, занять её вожделенное второе место (чему, как раз Англия противостояла). Атакующими были именно трое третьих: Россия, Австрия и Пруссия, а вовсе не Франция. Наполеон (и Франция до него) всё время находился в активной обороне и настойчиво искал мира (конечно, на своих условиях). Войны «коалиций» развязывал не он (а «кампании» он, конечно, после соответствующих провокаций). Большого интереса собственно Англии в том, чтобы место Франции заняла какая-либо третья сторона, разумеется, не было. В полном разгроме или катастрофическом поражении её Англия была совершенно не заинтересована. Хрупкие коалиции России, Австрии и Пруссии и нескоординированность военных операций демонстрируют, как каждая из стран пыталась стать лидером в разгроме Франции, чтобы поживиться её положением: второе место тоже только одно.

Поначалу лидерство приняла на себя Австрия (Наполеон в Вене), затем Пруссия (он же в Берлине) и после – Россия (тот же в Москве). Так что Россия воевала вполне себе за свой интерес. То, что интерес России дополнительно усиливал позиции Англии – неизбежная плата за отрыв от остальных континентальных держав. То есть, Россия, обеспечив себе твёрдое и с большим преимуществом второе место, упрочила Англию на месте первом, но это была запланированная жертва Александра.

Вообще-то именно он и придумал пиар ход, что Россия-де воюет за английские интересы, но придумано это было исключительно для внешнего употребления: оказания давления на Англию. Смотрите, как мы из кожи вон лезем – и всё ради вас (а сами мы в Европе не местные). Дополнительно Александр намекал, что такого верного союзника как он, персонально Александр, свергать не надо. На острове сначала пожимали плечами, полагая, что новенький царь недостаточно умён, мол, спасибо, конечно, не очень-то и нужно, но вот вам миллион за то, что хотя бы не гадите. Поняв в 1812, что Наполеона грубо заманили в ловушку, из которой ему не выбраться, Англия вообще в помощи России отказала. Для спасения Франции в войне (и продолжения этой самой войны) англичане сделать уже ничего не могли: события разворачивались стремительно, и Наполеон проиграл всё за несколько месяцев – остальное было делом техники. Остановить бурный поток деятельности возмужавшего Александра было невозможно. Англичане поняли, кого они вскормили, и дело выравнивания Франции взяли на себя на Венском конгрессе, возглавив сговор трёх держав. В принципе, им было выгодно деморализованное республиканское состояние Франции (как и любой другой страны), но про-

тивовес России был категорически необходим: поэтому Великобритания потребовала реставрации, и на трон – Людовика XVIII, лондонского резидента. (Людовик подолгу жил и в России, но никакого уважения при этом к ней не набрался – и это, в общем, справедливо).

Без национальной аристократии нечего было и думать претендовать на мировое лидерство. «Что нужно Лондону, то рано для Москвы». По счастью (счастье относительное, его готовили) свою национальную верхушку пустила под нож Франция. Австрия же и Пруссия, как и Россия, своих национальных элит не имели вовсе. Второе место освобождалось, но занять его без национальной администрации (не обязательно чисто аристократической, что доказывал Наполеон) можно было лишь временно, пока не вернётся Франция или не подрастут другие. Сам Наполеон создать полноценную национальную администрацию всё же не смог, путаясь в родственниках-королях, безродных маршалах и обезглавленных (фигурально) масонах. А Александр сделал мощный задел и технично отпасовал Николаю. Для этого и пришлось разыграть путч с отказом от данных обещаний и прекратить мусолить тему парламента и оппозиции до формирования национального управления. Оппозиция появилась в России планово, по-английски, при Николае. В отличие от екатерининских времён, она уже не была ни цирковой, ни придворной. Условно говоря, Радищев при Екатерине выглядел умалишённым, при Александре в самый раз, при Николае смотрелся бы снова сумасшедшим, только с другой стороны.

Как Александр дошёл до жизни такой

Александр родился наследником престола и монархом стал. Это было не просто. Не добравшись до трона, он мог умереть, его могли свергнуть и посадить, или обойти в правах наследования: всё это в истории «династии Романовых» было. Имя ему подобрали соответствующее, с намёком на Александра Македонского (можно, Невского, но это Македонский-лайт). Имя прямо заявляло о продолжении резко экспансионистской линии Екатерины.⁶ Век этот вообще имел характер экстремально экспансионистский, причём с неизбежными лобовыми столкновениями великих держав. Поэтому все великие державы желали, чтобы их было меньше. Перед решающим рывком было важно, с какого места каждый из участников стартует в этой гонке. Уже третьему месту могло почти ничего не достаться. Первой готовить позицию в борьбе за мир начали Франция и Англия. Надо осознавать, что до этого из великих держав Россия напрямую в войне сталкивалась только с Турцией (5-е место с тенденцией к падению).

Лавирование Александра между отцом, отцеубийцами, бабкой и её фаворитами сделало его дипломатию тонкой, умной и проницательной. Он планомерно устранил отцеубийц, попутно завязав лично на себя (через Голицына) масонско-иезуитско-иллюминатские концы (то есть иностранных агентов влияния). Характерно, что в русской историографии Александра считали выдающимся дипломатом, в советской и западной не считали дипломатом вообще: так, любитель. «Коллежский ассессор».

17 июня 1801 Александр заключил с Великобританией конвенцию, восстанавливавшую все прежние договоры, но также он сохранил почти павловские отношения с Францией. При этом Александр всеми силами пытался сохранить нейтралитет, то есть сконцентрироваться на устранении внутренних врагов. С этой очевидной и обычной для дипломатии комбинации и начались все противоречивые дипломатические трюки Александра, впоследствии приведшие к крайним коллизиям и необходимости спрятать путь неискушённому (и не столь умному) Николаю посредством аннулирования чересчур сложных галсов.

Вообще, Негласный Комитет был комитетом английским, это было продолжение якобинской (кордельерской) «руки Лондона» в отношении конкурентов. Негласный Комитет – это русский аналог Тайного Совета («Его/Её Величества Почтеннейший Тайный Совет»). Интересно, что в александро-николаевские времена это понимали совершенно отчётливо, например, Корф пишет об этом в снисходительной манере, как о моде. Впоследствии, вместо того, чтобы быть развитой, тема эта у историков как-то исчезла. Ну, мало ли, мода на французское, мода на английское... А что такое мода на мысли в аристократических кругах? Это влияние на верхний слой управления. И как появляются моды? А появляются они под мощным воздействием пропаганды. Особенно быстро англomania вошла в моду в отсутствии конкуренции. Конкуренции не со стороны русского (ничего национального в России ещё не было), а – французского. Чем могла привлечь Англия модников? Секунду подумав (или неделю поразмыслив), поймём одно: да ничем. В сравнении с французским *всем*, бывшем ещё недавно. Просто в какой-то момент *всё* исчезло, точнее, забанили. А на безрыбье и рак рыба. Особенно для бесхребетной русской аристократии.

Предложил проект Комитета сын графа Священной Римской Империи Павел Строганов, примкнувший к якобинцам как некий нетитулованный Поль Очёр (по названию имения Стро-

⁶ Екатерине, как незаконной императрице, было важно, пока она была законной регентшей, существенно расширить границы для собственной устойчивости: выглядеть не узурпаторшей территории старой Московии, а законной правительницей страны, где старая территория меньше новой, то есть её собственной. Не просто перераспределить ресурсы от старой «коренной» аристократии в пользу фаворитов, а основать полтораста городов, посадив туда собственных сподвижников.

гановых в Пермской губернии, – такой английский юмор). Ему подсунили опытную английскую шпионку Терауань де Мерикур («де» у неё фальшивое), которая его соблазнила и сделала одним из каналов, по которому питали террористов: поскольку «гражданин Очёр» был сказочно богат, это «не вызывало подозрений». Ситуативно Англия и Россия были союзниками, так как падение Франции России было выгодно – мир вступал в эпоху национальных государств, когда высшие аристократы и монархи не могли уже рассматривать себя только как феодальных правителей вне постоянных территорий и народов. Совместно с кадровым «сотрудником» русского посольства Петром Дубровским он выкупил, выкрал и вывез в Россию несколько возов французских архивов, включая, например, эталонного Санкт-Петербургского Беду – книгу, удрежняющую историю Англии. (Это второй по древности экземпляр истории Беды – первый, разумеется, в Англии. Важно, что «нашли» его во Франции, где он провалялся тоже в древнем Сен-Жерменском аббатстве сотни лет, таким образом, получилось, что в древней Франции прекрасно знали о ещё более древней Англии. Важно, что отправили его в нейтральный «с иголки» Петербург, а не в заинтересованный римско-кельтско-друидический Лондон.)⁷

Екатерина, понимавшая случайность и временность совпадения англо-русских интересов, Очёра из Парижа отозвала – чтобы не наделал глупостей, но наказан он не был (ибо в России в то время даже императрица не знала, как в ситуации смены мирового лидера «сделать умно»). Его до поры посадили на скамейку запасных, исправно выдавая, однако, положенные за выслугу чины – их он нагуливал на бумаге, живя в московском имении Братцево и продолжая состоять в офицерах (и шпионах). Другой Павел (из династии Первых, который хуже разбирался в мироустройстве из-за того, что передавать ему знания мать не хотела – и передавала сразу внуку) произвёл тёзку в камергеры. У Александра шпион оформился в сенаторы, тайные советники и заместители министров двух министерств, в 1806 поехал в Лондон «сближать интересы» с новым правительством Гленвилла и Фокса. (Одновременно усиливавшийся Александр делал обычные для себя прямо противоположные ходы в рамках сохранения внутреннего баланса: отставил Чарторыйского и назначил Будберга в министры иностранных дел – должность при Александре номинальная, что подчёркивал чин ниже канцлерского; под Тильзитским договором нет его подписи, это объясняют тем, что он был противником договора, но на самом деле Александр всегда вёл внешнюю политику лично, не доверяя ничего и никому. Будберг конфликтовал со Строгановым за влияние в английских делах, шпион подал в отставку. Александр послал на переговоры в Париж ничего не значившего Убри, хотя, одновременно от англичан туда поехали дипломаты более матёрого ранга. Договор, парафированный Убри, Александр не ратифицировал.)

Вторым членом Комитета был Адам Чарторыйский. Польский сепаратист, подготовивший план переустройства Восточной Европы с отделением Польши (плюс прирезанной к ней т. наз. Литвы), впоследствии похожий план продвигал Константин. Александру он был нужен для демонстрации Англии скорого распада России. Реализация плана была Чарторыйскому (а на самом деле Англии: «мы готовимся распустить империю; а, кстати, вы?») обещана, но, как всегда, Александр, воспользовавшись Тильзитским миром, к плану «охладел». На самом деле никогда и не собирался. Ч-й был министром иностранных дел (то есть никем) около 2 лет. Когда Александр сблизился с вражеской Англией на личную дистанцию «обнять-целовать» (держи друзей близко, а врагов ещё ближе), Ч-й получил отставку. Но ещё долго шпио-

⁷ Для чего нужна история национальному государству, Александр прекрасно понимал, но к историкам относился, максимум... вежливо. Карамзин, пытавшийся безуспешно выстроить логически выверенный поток истории в своём хауптверке, однажды возжелал изложить это кратенько и поучительно самому монарху («Записка о древней и новой России»). Царь читать не стал. Он хорошо знал мироустройство и не строил иллюзий относительно бабушкиных сказок, сочинённых для оправдания экспансии на все стороны света. Получилось, что чудак, подносивший ему свои сочинения, пытался на их основе учить истинного автора этой галиматши. «Это для вас придумано, Карамзин, не для меня». Бояна он, впрочем, наградил.

нил на Александра и Николая, усердно делая вид, что шпионит против (см. например, дело «Виксен», о чём позже). А скорее всего, двурушничал, снимая маржу. Дело обычное, аристократическое.

Николай Новосильцев. Прямой и явный британский агент. В 1805 участвовал в заключении союза с Великобританией. Планомерно доведён Александром до состояния международно презираемого краснорожего пьяницы, шута и позёра. Выставлен напоказ англичанам: не ваш?

Кочубей. Из запорожских самозванцев. В 1801 назначен Президентом Коллегии иностранных дел (то есть Никем, в реальности – никем). До того получил инициацию в Лондоне под руководством суперангломана Семена Воронцова, брата того, который заседал в Непременном Совете.

А-а, вот и Непременный Совет.

На другую руку Александр положил (11 апреля 1801 года – сразу же) Непременный Совет. Его он доверху набил отцеубийцами, фаворитами бабушки и англоманами, то есть опасными для себя персонами «гатиссимо». Его член, заговорщик Трощинский и был автором манифеста-слогана «при мне, как при бабушке». Иезуитское название⁸ по отношению, например, к убийцам отца Платону и Валериану Зубовым выглядело полной капитуляцией. Однако Александр быстро извёл обоих, просто и открыто приставив к ним полицейских. Дурак Валериан Александру пожаловался, на что получил от «кроткого» ответ, мол, я слаб, меня никто не слушается, может, вы им сами приказать изволите? Вопрос даже ушёл на другую руку, в Негласный Комитет, который пришёл в ужас, как такое возможно в нашем государстве, но полицейские продолжали своё дело. Платон всё понял, сбежал за границу в конце 1801 и больше на заседаниях не отвечивал. Валериан не понял, взялся ломать комедию (в духе, Платон мне друг, но истина дороже) с проектом о персидской торговле и тайном поиске торговых путей в Индостан (то есть, по сути, предложил Александру пойти по пути отца). Проект дурака «недальновидный» Александр отправил снова на другую руку, в Комитет.

В Совет Александр отправлял на рассмотрение самые кривоколенные, запутанные и незначительные дела империи. Так Александр день и ночь занимал деятельных негодяев. А зачем он перекидывал дела? («Слабый, сам не мог решить»). Просто хотел аннигилировать обе партии влиятельных врагов. Ну, уж если не их самих, то их делишки. Негодяи быстро сбегали. Впрочем... Валериан решил остаться. В результате странно и быстро помер от странного и быстрого внутреннего нарыва, его странно и быстро залечил какой-то лейб-француз. Платон не отвечивал (Валериан мне брат, но жизнь дороже) и в статусе «нон-грата» прожил гораздо дольше.

Писалось, что целью Комитета было работать над реформой «безобразного здания государственной администрации». Но из состава двух органов ясно, что никакого преобразования государственного строя, никаких реформ и т. п. эти люди делать не были призваны. Задачей Совета была утилизация опасных подлецов на высоких синекурах, то есть «быть на глазах» у императора или валить куда подальше. Должность «советника» Трощинского звучала так: «Находящийся при Его Императорском Величестве у исправления возложенных на него по особой доверенности дел». А «комитетчика» Новосильцева так: «Находящийся при особо порученных от Его Императорского Величества делах». Найдите хоть одно отличие. Комитетчики (они все вместе и по очереди занимались иностранными делами на формально высших постах) призваны были находиться на виду у англичан и докладывать, что дело разрушения государства идёт правильно и быстро, и с этой точки зрения лучше Александра на должность монарха-ликвидатора никого нет. Конкуренцию Александру составлял только

⁸ «Непременный» значит неизменный. У Александра всё так: «негласный», а все знали, «непременный», а всех переменили.

Константин, но он не проявлял себя столь ретивым конституционалистом – Александр сразу предусмотрительно сам занял фланг «ультра-».

Заняв (завалив) шпионов и убийц Е. И. В. «делами», Александр получил возможность самостоятельно начать выстраивать высшую национальную администрацию. Комитет прикрыл через пару лет, комитетчиков позже, по одному. А в 1810 распустил и «вечных». Но уровень Совета резко понизился уже появлением аморфных министерств V1.0, которые и были столь поспешно и без плана введены Александром только для этого. То есть поступил, как всегда: повернул налево, потом направо – все попадали.

Что англичанину хорошо – француз у смерти. В английском парламенте сидели лорды. В верхней палате старшие, в нижней младшие. Всё, как полагается. Культурно. За свой интерес. А во французском Конвенте – шпана да беспредельщики за чужой интерес отправляли друг друга на гильотину. Равенство. Вот такие разные парламенты. Тальен кинжалом машет, его жена голой пляшет. Свобода.

Александр изворачивался ужом, обещал, клялся, заключил с Англией союз, даже создал палату лордов – Госсовет, но конвента не ввёл. Сто лет спустя в России под давлением английского социал-демократического террора с Англией тоже был заключён союз, и – введён парламент, куда сразу *конвенционально* набились террористы, шпионы, масоны. Глава парламента царя арестовал, тот был из династии не Первых, а последних. Союзник Георг (опасаясь своего парламента) Николая не спас. Братство.⁹

⁹ Георг переименовал фамилию, основал дом Виндзоров, в честь какого-то дома. Объясняли так: в 1917 году стало опасно, мы ж немцы, как бы чего не вышло. Очень страшно было. На самом деле было так: Георга уговаривали Николая с семьёй спасти (уговаривали многие монархические родственники всей Европы). Переименованием Георг сказал громко: так боюсь, что не могу спасти, а то английские патриоты убьют всех. А тихо, но внятно прошипел: отрекаюсь от вас, шваль, и от вашего рода и от ваших фамилий. Будете у меня в ногах ползать. Хочу – спасу, а хочу – не пощажу двоюродного брата сгноить в Сибири. «Бей своих, чтоб чужие боялись».

Слабый царь

Откуда взялось представление о слабом, мягком, либеральном, метущемся и даже трусоватом Александре тоже понятно – это представление восходит к злым эпиграммам Пушкина. «Правитель слабый и лукавый...», «Под Австерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал...», «Дней Александровых прекрасное начало...» ещё бытует мнение, что опытный лис Меттерних убедил нашу медузу стать твёрдой консервативной горгоной. Александр вертелся-вертелся, но сдался. Добило его якобы восстание подшефных ему семёновцев, о котором Меттерних узнал раньше Александра (дело было в Троппау, курьер, метросексуал Чаадаев прихорашиванием задержался в пути).

Семёновскому бунту придаётся большое значение, мол, Александр Меттерниху обещал, что у него не будет революций, а вон чего вышло, и Меттерних его попрекнул (протроллил). Де, Семёновский бунт окончательно повернул мировоззрение Александра к реакции (то есть революция произошла, но только в голове у Александра). Это всё, конечно, поздние домыслы, а было иначе. Семёновское выступление не посягало ни на монархию, ни на монарха. Это был единственный изолированный и мгновенно купированный протест против низкорангового командира – всё! Бунт, даже если и не был спровоцирован самим Александром, принёс ему немало дивидендов: он мог изобразить «о, ужас-ужас-ужас» и «отвлёкся» на внутренние дела, представив в Троппау Австрии возглавить поход реакционеров на европейские свободы; таким образом, стравил немцев с англофранцузами, сам же изобразил свою сломленную волю, порабощённую Меттернихом. Нельзя не отметить, что силы парламентских монархий оказались равны абсолютистским пангерманским, Александр же «вдруг» оказался в выгодном положении решающего голоса, которое привыкла уже занимать Англия. Подвинул.

Ничего в политике Александра не поменялась: она, как была переполнена *плановыми* противоречиями, так и осталась. Истинная же природа того бунта крайне проста. Дело в том, что армия состоит не только из писанных, но и неписанных правил, этот кодекс описывается ёмким религиозным словом, известным любому армейцу: «положено!» Это «положено» выделяет (возвышает) армейскую секту в глазах других (и секту внутри секты – гвардию, и секту внутри секты внутри секты – Семёновцев). Когда на эту систему покушаются, религиозный орден готов на любые жертвы ради сохранения статус-кво, тут надо подчеркнуть: любые. Такой же характер носили и волнения за год до этого – в Чугуевском военном поселении, когда казакам (привилегированная вооружённая секта) изменили социально-имущественный статус (это для того времени, как пол поменять принудительно).

Визит Чаадаева в Троппау тоже чересчур утрирован. Никакого скандала с его опозданием не было. Александр имел 5 (пять) довольно независимых систем информирования, и полагать, что один-единственный Васильчиков (это шестой) послал одного-единственного курьера наивно. Большой А получил сведения о семёновцах раньше – и имел подготовиться. Чаадаев не спешил, потому что вёз не донесение, а частное мнение Васильчикова. На его карьере опоздание не сказалось, он подал в отставку через несколько месяцев по другим причинам, успев получить повышение.

Тут нельзя не сделать отступление о роли Австрии. Австрия – это осколок утратившей независимость в 1806 году Священной Римской Империи, феодального акционерного общества. Александр некоторое достоинство Австрии возвратил, Англия выплатила субсидии. Несмотря на утверждения о гениальности Меттерниха никакой самостоятельной политики Австрия вести не могла. Утверждения о том, что Меттерних умел Александра заставить выступать в пользу Австрии, основаны только на воспоминаниях самого Меттерниха.

У Австрии перед Александром был крупный долг: на Венском конгрессе Англия сколотила коалицию с ней и Францией против России и Пруссии. Александр французский экзем-

пляр пакта получил от Наполеона, показал его обескураженному Меттерниху. С тех пор ни о каком доверии (тем более «идти на поводу») не могло идти и речи; никакого доверия не было и раньше, а тут... Поэтому все заплачки о том, что Николай так рассчитывал на Австрию (после подавления революции 1848 года), а они взяли и предали, грубо притянуты за уши. Причины австрийского «предательства» кроются совершенно в другом (об этом позже).

Вообще «боязнь» и «слабость» царей история перегружена. Александр был трусоват, от ужаса перед тайными обществами «умер», Николай трусил взять власть и отрёкся, Константин боялся, что убьют и успел отречься раньше Николая, тогда тому пришлось, трясясь, брать царство поневоле. Но на самом деле Александр был совершенно твёрд в своих главных целях: усилить Россию (никакого патриотизма – это просто была его личная страна) и ослабить всех остальных – и готов был платить репутацией переменчивого и неуверенного человека. Личной трусости не проявлял. Бежал с поля Аустерлица – да, а что он должен был сделать? Остаться? Четверть века спокойно гулял один и с женой по Дворцовой набережной и улицам всех своих и европейских городов, в венских кафе сам платил за пиво, а нам рассказывают, что боялся заговорщиков из тайных обществ. Некоторые историки, впрочем, честно пишут, что он был хорошо осведомлён о деятельности таинников. Но сделать ещё одного шага и признать, что Александр и создал эти общества не особенно желают. А примеры перед глазами: константиновские ложи в Польше, «Филики Этерия» в Одессе, поддержка сектантов-караимов. Не Александр, конечно, изобрёл региональный сепаратизм, но перевёл его в национально-освободительную идею он, развив до стадии всевропейской головной боли. Имея в руках узду в виде Священного Союза монархов, он мог манипулировать не столько революционерами, сколько монархами.¹⁰

В 1822 Чернышёв принёс ему «Зелёную книгу». Генерал подозревал, что устав «Союза Благоденствия» списан с положений ордена иллюминатов. Бегло просмотрев первую часть, «слабый» царь меланхолично промямлил, что совпадений мало, и беспокоиться не о чем... Чего, собственно, беспокоиться о *своём* деле? А тут Чернышёв прибежал «прорубиться». Чернышёв, вероятно, тоже знал о том, кто и как общества создавал, но сделал вид, что не знает, а честно служит, вот, нарыл компромат. Александра это показное «незнание» доверенного лица раздражило. И как мог, он продемонстрировал своё пренебрежение. Не уставом, а самим генералом.

А почему бы не посмотреть на всё с самой очевидной стороны: сам организовал, поощрял существовать для определённой цели. Когда цели достигли (путч Николая), всех развинтили (своих, конечно, оставили). А Александр хлопал в ладоши: к левой руке привязаны ниточки от бунтарей, к правой – полиции. По числу пальцев: висельников пять и полиций пять. И все при деле. Ниточки не в том смысле, что он жёстко управлял, а в том, что по их дёрганьям шли сигналы. Чернышёв был одним из каналов информации, первичная напрямую поступала из тайных обществ. А точнее, туда направлялась. Потому Александр почти и не читал его доклада, что его люди уставы «Союзов» писали. А почему писали с иллюминатов? А чтобы составить им конкуренцию, переманить адептов под свою крышу. Настоящих иллюминатов (иностранцев) Александр на 100% контролировать не мог. И мало-помалу весь средний уровень перетёк под крыло «благодетелей»: это те, которые хлопают ушами, исполняют поручения и – платят по счетам.

Меттерних писал об Александре (то есть о себе, а фоном выступал глава царей): «Александр был человеком слова и легко подписывался под данными обязательствами, каково бы ни было потом направление его мыслей: он очень ловко старался избегать того, что могло толк-

¹⁰ Поздний «переменчивый» Пушкин (лучше поздно, чем никогда) уяснил сложную суть Александра: «Недаром лик сей двуязычен./ Таков и был сей властелин:/ К противочувствиям привычен...» (1829) Но Пушкин был очень умным. Николай назвал его самым умным человеком в России. Можно смеяться, мол, сам-то Николай умным не был. Да. Но Николай был самым осведомлённым.

нуть его не по намеченному пути, но так как мысль его принимала быстро форму системы и вечно меняла направление, то уважение к данному им слову его страшно стесняло, ставило его в неловкое и тягостное положение и вредило общественному делу».

По какой-то причине считается, что высказывания о монархах (Наполеоне, Александре и пр.) менее ранговых особ имеют вес. Их любят цитировать. Но по степени осведомлённости разница между ними как между клубным вратарём и хозяином команды. Канцлер или придворный – лишь один из множества игроков, строящий предположения; монарх, даже не очень умный, перевешивает вдесятеро своим твёрдым знанием. Не говоря о возможности инициативы. Я привожу (очень редко) мемуары не с целью подтвердить свои предположения, а с целью указать на ничтожность опоры на эти мемуары стандартной модели.

Меттерних ничего не понял по сути, но написал в целом верно. Просто точка зрения канцлера находилось на уровне моря, а Александра на высокой горе. Мысль императора никогда не отклонялась от генеральной линии: себя на первое место, Россию на второе.¹¹ Все тактические движения, которые предпринимались внутри этой линии слабоинформированному (по сравнению с Александром) Меттерниху виделись противоположно направленными галсами, в то время как корабль Александра медленно плыл к намеченной цели. Александр имел роскошь – время, и мог позволить себе неспешное движение. Меттерних не мог: у него работа другая – суетиться, реагировать.

Заметить это движение можно с течением времени, но иногда нужно наблюдать довольно долго. Галс мог длиться годами и сам по себе оставлять иллюзию тренда, внутри которого историк может выделить и другие составные румбы движения. Поочерёдные союзы с Англией и Францией в результате привели Россию на второе место (оттолкнулся веслом от одних, прицепился на буксир к другим). Вот как описывает этот процесс тот же недалёкий канцлер: «... в 1805 году... он был либерален в самом широком значении этого слова. Он был ярким противником Наполеона, презирал в нем деспота и ненавидел завоевателя. В 1807 году произошла радикальная перемена в его взглядах, а в 1812 году опять наступила новая фаза». А по пути культурно «подрезал» Австрию (великий хитрец австрийского МИД даже не заметил) и Пруссию, не говоря о прочих. Объяснение на уровне Швеции и Турции – ветер переменился. Историки обожают выделять метания Александра между либералами и консерваторами. Между христианами общего толка и православными фундаменталистами. Вывод: Александр изменял взгляды. Такой характер. Дамский.

На самом деле Александр не изменял взглядов. Ему нужны были все направления, как паруснику нужны все углы между западом и востоком, чтобы двигаться на юг. Меттерних и тут верно подметил (но не понял сути), что Александр «не доверяет своей армии, своим министрам, своим дворянам, своему народу». Верно подмечено, но репутация подмочена. Александр представляется подозрительным параноиком. С мелкого уровня наблюдателей-современников, преследующих свои приземистые цели, замкнутых узкими векторами, он таким и казался. Но переменчивость Александра имела характер переключивания парусов. Ветра Англии и Франции попутными не были, но Александр воспользовался ими, чтобы уплыть от преследователей, а потом резко взял в свою сторону. Учтём и то, что истинную свою цель Александр скрывал – ревностно. Подробнее о цели – отдельно. Что же до недоверия, то единственным национально ориентированным человеком в государстве был он сам. Кому же ещё доверять? Национальное государство, в котором можно доверять администрации, ему только предстояло создать.

¹¹ Это линия, а не цель. Даже линию он не афишировал, цель же скрывал тщательно, маскировал, совершал подлоги до конца дней. Это выражалось в том впечатлении, которое он порождал: «сам, всё сам». Меттерних смеялся: он сам у себя министр. Но хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Некогда великую державу тролля Меттерниха через 100 лет всю накрыли австрийским флагом. А Россия... Не та, конечно, что при монархе – живёт. Был Александр Второй, был Третий... Но где ж сыскать второго Александра Первого? – даже половину найти трудно. Сто лет у власти какие-то жалкие доли.

Почему можно доверять национальной администрации? Она не может в силу различных причин претендовать на верховную власть в монархическом государстве. Это свято соблюдалось до Николая II, несчастьем которого стало гигантское число расплодившихся потомков Николая Первого, он был вынужден уступать им многие государственные должности и целые направления, и эти-то люди ИМЕЛИ право претендовать на верховную власть. Осуществляли они свои права-претензии по-разному (эта тема выходит за рамки рассматриваемой¹²) и – в конечном счёте осуществили известно как.

Несколько слов относительно слабости младшего брата Большого А. В интересах Александра и самого Николая было поддерживать мнение о крайней непопулярности и невысоких способностях Николая. Это мнение укоренилось, в него всерьёз уверовали современники. Но почему-то в нужный момент слабому и ненавистному Николаю не только безропотно присягнули (ночью встали), но по первому приказу (первому приказу только что самопровозглашённого императора, по мнению многих, самозванца) выступили на его стороне против вооружённых мятежников. Это согласно стандартной модели. На самом деле Николай спокойно готовился к приёму царства, перенимал опыт и людей Александра и налаживал необходимые связи за границей. Милорадовичу он не мешал (и не мог) быть самым популярным в войсках, Милорадович милостиво позволял считать свою популярность популярностью своего патрона Константина (а с чего бы у Константина могла быть какая-то собственная популярность в Петербурге, где его вообще не видели?) Все главные деятели александровской эпохи впервые в истории России практически в полном составе спокойно перетекли к Николаю – и служили лучше прежнего.

¹² Всё же не могу удержаться. Проблемой был первый брак Александра II на биологической дочери невысокородного дворянина. То есть, юридически жена была чиста, документы выправлены гессенским князем по высшему разряду (и вообще она была классная), но *все знали*... Уже к АИИ люди из параллельных ветвей придирались, гхекали: нечистопородный... А к нисходящему потомству дальше – больше.

Англо-русский контрданс

Чтобы понять, почему Александру понадобилось передать власть таким причудливым способом, посмотрим вкратце на александровскую хватку. Общий курс я прояснил, теперь будут понятны все эти внешне противоречивые галсы («метания переменчивого Александра»).

В сравнении с пышущей здоровьем Францией, полтора века правившей миром, Россия выглядела жалко и ничтожно. И тут, буквально на глазах у цесаревича Александра у величайшей из держав на ровном месте подломились колени, плюясь кровью, с выколотыми глазами она поползла на каких-то обрубках к обрыву. Величайшая династия королей чередой пошла под нож потомственных мясников. Это потом затёрли, а тогда все понимали, что лекарей снабжала Британия.

Благодаря громадному весу и культурным накоплениям, Франции частично удалось взять себя в руки, выплюнуть бяку-республику, вернуть корону, но.

Мысль, доступная и ребёнку: если *так* с ними, то *как* с нами?

Вскоре, впрочем, и показали, *как*. Гильотина? Много чести. Бутылкой по башке.

Нужна была твёрдая и высокая позиция одного из мировых лидеров, чтобы под её (временным) прикрытием успеть создать администрацию нового типа. Которая могла бы купировать клубные масонские технологии переворотов, – в эстетской Франции ложи называли клубами.

Тут придётся вскрыть маскировку трёхслойную. Цель истинная и совершенно секретная – создание государства под управлением национальной администрации нового типа. За такое могли не то что убить монарха – могли распустить монархию (в республику) и страну разобрать на запчасти. Так как управление – ключ к владению миром. Эту цель до поры прикрывала мощная дымовая завеса Священного Союза монархов. Которую тоже до поры прикрывал – любой ценой – англо-русский союз.

Крайне бедно объясняется, почему Александр отказался от нейтральной площадки России, которую она так выгодно занимала. (Ведь все вроде помнят, как выгодно выросла Америка на последующих войнах, где поначалу она была нейтральной.) Объясняют отказ какими-то нелепыми буржуазными и помещичьими отношениями, боязнью Александра (ох, уж эта вечная боязнь императоров!) английского заговора и пр. Всё это тоже, конечно, имело место, как частность. Но главное в другом: Россия находилась в хвосте великих держав и никакой нейтралитет с места её бы не сдвинул¹³. На место лидера (а второе место – это тоже лидер) выходят только в результате крупной войны. США после 1МВ лидером не стали – воевали мало. Это при том, что более 50% мирового промышленного производства находились там, – и там же были деньги, Америка держала всех за горло кредитами¹⁴. Но чтобы выйти в лидеры, ей пришлось победить – на двух фронтах.

Поэтому Александр просто воспользовался моментом – очень выгодным, который мог больше не повториться. Крупных сил он задействовать не планировал. Этого не получилось, но по затратам лучше выступила только Англия.

Британию свергнуть с «царя горы» было, конечно, невозможно, но зацеловать получилось до стадии умопомрачения. Александр так ретиво взялся за дело, что напичкал свой ближайший аппарат англomанами и забросал кабинет Питта смиренными просьбами о помощи

¹³ Ох, уж эти счастливики-нейтралы! Людям невдомёк, что нейтралитет нельзя просто взять и объявить. То есть, объявить его можно, но нужно иметь громадную дубинку. Но с громадной дубинкой – зачем нейтралитет? А вообще, это всегда вопрос признания всех великих держав. Нейтралитет Бельгии, например, гарантировала целая Великобритания. А толку?

¹⁴ Деньги ей отдавать... не то чтобы совсем отказались, а просто не стали. Американцы обиделись и приняли закон: должникам больше не давать. Какое сальдо? А такое: выдали всё равно. Только ещё больше и практически за так. Для обхода первого закона приняли ещё один, о ленд-лизе. С европейскими жуликами всегда так.

в деле борьбы против «общего» врага. Чтобы избавиться от назойливого союзника, англичане включили «ленд-лиз» и – о чудо! – высадили в Германии десант воевать не за свои интересы. Никогда никому не удавалось добиться от Британии того и другого сразу. «Слабому» Александру удалось. Деньги (около миллиона фунтов несколькими траншами) для бюджета Александра были не критичны (менее 10 млн руб.), десант 24 тыс. тоже (Александр обещал выставить 180 тыс., выставил около 100, но было ещё много австрийцев), зато авторитет его в глазах континентальных европейцев взлетел до небес. И пока англичане платили, курс рубля к фунту оставался стабильным.

Войны часто изображаются, как предельные, ненормальные конфигурации на политическом поле, с разрывом дипломатии, коммуникаций и переходом доли власти к генералам. На самом деле война для политического противостояния – норма. Во время боевых действий ускоряются переговорные процессы, катализируются позиции, упрощается торговля за будущий мир. Генералы вынуждены следовать в русле политики, которая меняется с головокружительной быстротой, и успевают не всегда. Отсюда неразбериха с мотивацией боевых действий. Отсюда же и чудеса: Бранденбургского дома, Дюнкерка, «странные» и «бездымные» войны и пр. Одной из причин относительного успеха Наполеона принято считать сосредоточение политической и военно-полевой власти в одних руках, до степени короткого замыкания. Александру то же самое не удалось (скорее, и не собирался). Поэтому его война после 1805 шла на других площадках: дипломатии и личных монархических связей. Проще говоря, каждый зазывал противника к себе домой играть на своём поле с хорошо замаскированными капканами.

Во время войны Третьей коалиции Александр долго паясничал в стиле «Помогите, люди добрые». В первую очередь он начал добиваться дипломатического лидерства на континенте, – это было проще всего, так как не требовало никаких ресурсов, кроме личных талантов. Он провёл труднейшие переговоры в Потсдаме и сколотил некий сложный псевдоальянс с Пруссией и Австрией (ничего кроме «псевдо-» не было и после). Косвенно Александр помог урегулировать и англо-австрийские разногласия (Австрия требовала чрезмерно больших субсидий). Альянс был совершенно бесполезным для войны против Наполеона (уже через 2 дня после подписания Потсдамской конвенции французы заняли Вену), но и Англии Александр показал свои возможности по сколачиванию коалиций, а коалиции бывают разные: сегодня против Франции, а завтра... (завтра скоро и наступило). Британцы всё поняли правильно и прислали ограниченный контингент в устье Эльбы (начало декабря 1805), не для войны, а для контроля за ситуацией, в первую очередь за Пруссией. Почему альянс был бесполезен тоже ясно: у членов континентальной коалиции были одинаковые задачи: подавить Францию и занять её место.

Этот факт и определил дальнейшие события: поражение под Аустерлицем объясняют по-разному¹⁵, в том числе, чисто тактическими промахами на поле битвы, но стратегически оно совершенно закономерно. Союзники не дали себе труда согласовать военные позиции и стали действовать разрозненно, чтобы в случае победы загрести жар в одиночку. Пруссия вообще отказалась воевать: в случае победы им бы ничего не светило. Настоящая военная коалиция трёх держав, да ещё и под эгидой какого-то залётного Александра Англию испугала; ей победа России, Австрии или той же Пруссии была совершенно не нужна, а сохранение войны продолжало ослаблять континент. Свою же собственную победу англичане одержали 21 октября в битве при Трафальгаре – и избавились от угрозы (совершенно гипотетической, но влиявшей на общественное мнение) вторжения Наполеона на остров. Обман Наполеона был направлен не на Англию, а на Австрию. Полагая «десантный» лагерь в Булони настоящим, австрийцы

¹⁵ Забавно, как историки пытаются выкрутиться, объясняя аустерлицкий швах. Используют даже рассогласование календарей: у русских был юлианский, вот они и опаздывали вечно к рандеву... Никакого рассогласования календарей у хитрых и умных европейских правителей быть не могло, потому что не могло быть никогда. В принципе. Там не то что 12 дней упустить – в 12 минут голову отвинтят.

вступили в Баварию, Наполеон тут же «отказался» от десанта в Англию и моментально перебросил войска в Южную Германию (план талантливого штабиста Бертье, без которого наполеоновские победы немислимы). За день до победы на море англичан Мак сдался со всеми знамёнами и запасами. Чрезмерно раздутый советскими Тарле¹⁶ пишет, что лишь немногие из австрийцев и русских поняли, что война уже проиграна. На самом деле австрийские и русские всё прекрасно понимали с самого начала и до самого конца, не понимали лишь советские, утратившие преимущество в понимании законов мироустройства. Игра держав была долговременная и носила характер борьбы внутри коалиции за последующие позиции в послевоенном мире. Война не могла окончиться скоро.

Итак, англичане не пошли воевать сами, и вряд ли случайно, что сильное александровское трио распалось вскоре после английского десанта. Ганноверцы и пруссаки остались безучастными, а Пруссия и вовсе вскоре заключила союз с Францией, при котором французы жертвовали (английским) Ганновером. Слишком мощную коалицию развалили. Англичане на короткое время сделали вид, что Пруссией недовольны.

Аустерлицкому сражению придают чрезмерно большое значение. «Под Австерлицем он бежал...» Мемуары Наполеона возводят эту удачную тактическую операцию до небес – буквально: «Солнце Аустерлица». Под/над Аустерлицем сияло два солнца: Наполеон и ещё одно. И т. д. Между тем, никакого стратегического значения оно не имело. Победа Наполеона не привела к миру с твёрдо установленными позициями, победа союзников тоже не привела бы к окончанию войны. Александр приехал в войска не командовать, не красоваться (типа, Македонский): Аустерлицем продолжалось его дипломатическое турне Потсдам – Веймар – Дрезден. Он держал руку на пульсе императора (тогда ещё Св. Рим. Имп.) Франца для того, чтобы в случае победы начать обрабатывать его на дальнейшие действия и торговаться о доле России в мире после разгрома Франции (да и это должно было затянуться ещё на годы). Непосредственно никакой угрозы России это поражение не представляло. Оно дало передышку Франции, но лишь отодвигало в будущее агрессию континентальных держав в стиле «Карфаген-таки должен быть разрушен». Из меню «ужасный конец или ужас без конца» Наполеон заплатил за второе блюдо, им отравился, но впоследствии нахваливал, т. к. было вкусно и пр.

Исполнительный, умный, но не слишком проницательный изобретатель русского языка и пропагандист (только что сочинённой) русской истории Карамзин впоследствии негодовал, мол, Екатерина приучила Европу к русским победам. Это опасное заблуждение и привело, в сущности, к поражению Аустерлица. До Павла Россия не имела серьёзных дел с первоклассными европейскими армиями и только набиралась опыта. Все победы: Польша, Швеция, Пруссия, Турция, Пугачёв – это второй ранг. Походы же Суворова – это уже новая мировая война, но его локальные и, по сути, символические успехи вскружили много голов. С учётом фактора Наполеона Аустерлиц – это, по существу, первое серьёзное дело. Александр ещё мог искренно заблуждаться относительно военной мощи великих держав (думаю, не мог), но Кутузов или Барклай иллюзий не строили.

Александр умело использовал поражение для внутреннего укрепления, а Англии продемонстрировал крайнее недовольство тем, что английские и ганноверские войска не явились к Аустерлицу (ха-ха, такие они дураки, воевать за русские интересы!) Конечно, Александр понимал истинное положение дел и никаких иллюзий не строил, но получил очередной дипломатический повод для давления на Англию (вернее, ослабить английское дипломатическое давление на себя). В январе 1806 Александр позаботился о том, чтобы до Англии дошёл слух о его желании заключить с Францией мир. В практическом плане он не предпринял ничего,

¹⁶ Главный недостаток историко-художественных текстов Тарле – отсутствие стройной системы мотивации, она меняется от случая к случаю, в соответствии с поворотом событий. При том, что историк может вообще о мотивах не беспокоиться: случилось, как случилось, а почему не знаю; художник же, напротив, обязан иметь ясный сквозной мотив, как основу сюжета.

наблюдая за реакцией нового кабинета¹⁷, которая последовала: Лондон предложил вести переговоры с Парижем одновременно и скоординированно, хотя и раздельно.

В Англию отправился давний английский агент Поль Очёр – продемонстрировать своим присутствием полное влияние Лондона в Петербурге – более никакого действия от Строганова не требовалось. Одновременно Александр сделал один из своих любимых финтов и направил в Париж не себя, а совершенно никчёмного низкорангового Убри. Ему были даны инструкции: хоть какой-нибудь мир на глазах англичан. Тот *хоть какой-то* мир и заключил. Англичане с переговоров удалились, а Александр договор – не ратифицировал. Однако англичане успели почувствовать, что значит остаться в изоляции и пошли на ещё большие уступки России. Тем временем Александр снова обратился к Пруссии, т. к. Австрия по сути вышла из игры. Англия на сей раз Пруссию сдерживать не стала. Та совершила австрийский же набег: не соединившись с русскими войсками, объявила войну и через 2 недели была полностью разгромлена, Наполеон взял Берлин и Варшаву. Помучившись, была разгромлена и русская армия (после Прейсиш-Эйлау – с небольшими потерями, т. к. Александр хотел войско сохранить, и боевые действия имитировал), теперь Наполеон стоял у границ России.

Наконец, из Англии прибыли 60000 ружей (за 1 млн руб., но не факт, что Россия за них платила) и куча денег (1100 серебряных слитков), но Александр с удовольствием отказался их принять, отправил обратно через Пруссию, где серебро было бодро реквизировано пруссаками. Александр без промедления и со злорадством в отношении Англии подписал Тильзитский мир и обязался прекратить с Англией торговлю. Это было весьма обременительно¹⁸, но давало возможность Александру заглянуть на время за горизонт: на саммите в Тильзите он смог почувствовать, каково это – быть вторым, имея третью державу. При этом гениальному дипломату даже поражение удалось обратить на пользу. Мир в Тильзите Александр подписывал с наслаждением, делая вид (перед англичанами), что его к этому вынудили – не столько Наполеон, сколько сами англичане. Новым союзом он, наконец, сбросил с себя английское ярмо (повесил на гвоздь до поры), душившее его с момента убийства отца и расшвырял остатки англоманов из своего окружения по дальним закоулкам. Мир, конечно, был временный, ведь Россия ещё не выполнила задачи единолично выйти на второе место, но Александр понимал, что следующий мир с Англией (которого, конечно, было не избежать, т. к. союз с Францией был понарошку) будет носить равноправный характер. Александра беспокоило некоторое внутреннее брожение: потери частных лиц от прекращения торговли с Англией были существенны, но их он рассчитывал до известной степени компенсировать из разных источников.

А пока почему бы не потрясти вчерашних союзников? Воспользовавшись поддержкой Франции после Тильзита, Россия вскоре отломала от Швеции Финляндию (вроде бы, наказали за то, что Швеция не поддержала Россию войсками, пока они были союзниками). Франция вдобавок перестала оказывать помощь Турции (но делу мира не помогла). Но главное – Александру, наконец, удалось (впервые с начала царствования) избавиться от грубой и претенциозной опеки англичан, более того, выкрутившись, он сам получил возможность выкручивать Англии руки: те в Европе десант не высадили (а в Южную Америку войска отправили), денег вовремя не дали, теперь оставайтесь одни, а я пошёл. Он дал понять, что Россия или заключит обманчивый мир или будет отступать под ударами узурпатора аж до Индии. О хорошей продуманности всей комбинации говорит мгновенный захват Финляндии, выходит, переворот альянсов готовили загодя. (Нет союзников – есть интересы.) Англия быстро потеряла Испанию.

¹⁷ Забавно, что Аустерлицкое сражение, в общем, никак не сказалось на его участниках, зато от него случилась сопутствующая потеря: скончался лидер главного модератора войны, глава Британского кабинета 46-летний Питт-младший.

¹⁸ Не финансово: потери госбюджета России составили около 5 – 6%, Англии ещё меньше, но политически: разорвались цепочки собственных производителей-экспортёров; некоторые товары было трудно заменить: англичане начали производить эрзац-пеньку из овечьей шерсти, русские по нехватке свинца – чугунные пули. Надежда на то, что другие собственные производители заместят экспорт и от протекционизма все выиграют, не оправдалась ни в одной из стран.

Не смогла взять Антверпен. Александр за год сумел набить себе цену в её глазах настолько, насколько ему не удалось этого за семь.

Наполеон, по сути, предложил на пару скинуть Англию с мирового престола. Но он имел огромную проблему в отношениях с Россией, и Англии это было известно. Наполеон предлагал следующий послевоенный расклад сил: 1 место – Франция, 2 – Россия, 3 – Англия. Но, во-первых, Александру не выгодно было просто поменять мирового лидера Англию на мирового лидера Францию; во-вторых, путей к такому раскладу Наполеон предложить не мог, и в лучшем случае получалось бы так: 1 – Франция, 2 – Англия, 3 – Россия. Стратегически, поражения Австрии и Пруссии были России на руку, теперь она, по сути, и без того вышла на третье место, с минимальным отрывом от второго. Тогда, в чем попс, камрад? Наполеон даже отчасти не мог компенсировать своим рынком потери России от ликвидации торговли с Англией: и контрабанда, о которой все знали, приобрела эпические размеры. Поэтому мир был непрочен (зыбкость его олицетворял плот, на котором качались императоры): раз уж воевать дальше, то России проще и дешевле было сковырнуть со второго места Францию.

Имелся и ещё один нюанс: лично Наполеон, само наличие которого в качестве главного монарха Европы Александра раздражало («такую личную неприязнь испытываю, что кушать не могу»). Если уж России не светило быть первым государством, то пусть будет вторым, но сам Александр мог и хотел быть только первым монархом, – а английский Георг III находился уже близко к стадии опеки над собой, и на люди его не пускали, да и возвращённый впоследствии Людовик, как ни надувал щёки, потерял лицо славного, некогда первого рода Европы.

России почти нечего было предложить Франции, почти вся номенклатура русского экспорта ориентировалась на рынок Британии и её колоний (та активно перепродавала русские товары дальше за горизонт всему английскому человечеству), под эту торговлю выстраивалось и производство. Франции же тоже почти нечего было предложить России, кроме предметов роскоши, и даже сырье, в котором нуждалась Россия и которое она закупала в Англии, Франция не поставляла – самой было надо (например, свинец и некоторые другие металлы). Вдобавок, торговля не могла вестись по морю, а русский экспорт был громоздким и по-другому возить его не могли (а шампанское и сорочки могли).

В 1809 году Австрия снова предприняла попытку взобраться на трон царя континентальной горы – и проиграла. Вообще, именно так называемая война пятой коалиции (там и коалиции-то не было) прекрасно демаскирует подлинную сущность наполеоновских¹⁹ войн: борьбу за второе место в послевоенном мире. Победа над Наполеоном нужна была России, Австрии и Пруссии – единолично, делиться ей они намерения не имели. Александр же воевал (не воевал, конечно) на стороне Франции, а за имитацию получил приращение земель – Тарнопольский округ. В случае проблем с Австрией он помог бы Франции – и как законный союзник, и как интересант, чтобы Австрия чего доброго Францию не опрокинула. Историки считают, что Англия совершила ошибку, ей следовало бы помочь Австрии в её борьбе, вместо высадки в Бельгии. А зачем помогать Австрии? Чтобы война кончилась? Чтобы Франц занял место Наполеона? Ведь это только на словах Наполеона считали угрозой. На деле Наполеону англичане просто пристегнули «чёрную легенду», а люди до сих пор подпрыгивают: «агрессор», «узурпатор». Для Англии ЛЮБАЯ сильная континентальная держава №2 – угроза. Десант в 40000 человек высадился на континенте, «заболел болотной лихорадкой» и отбыл назад. Демонстрация мезальянса №5 прошла на ура. Австрия, сорри. Такой вот дюнкерк, прости Господи. Сделали всё возможное. Впрочем, не думаю, чтобы у императора Франца были иллюзии. Ведь, начиная кампанию, он от англичан хотел только денег – и получил 4 млн. Зачем ему союзник? Он в одиночку рассчитывал сорвать куш.

¹⁹ Название «Наполеоновские войны» – грубый подлог победителей. Свалили всю ответственность на ссыльнопоселенца, который с дальнего острова не мог оправдаться. Э-э, ме-е, кодекс...

Впрочем, и тут дело кончилось свадьбой. Настоящей. У императоров так. Потому что люди с понятиями. Думают о будущем.

А у историков иначе. Придумывают альянсы с порядковыми номерами. А это – сложный европейский контрданс. Где война – фигня. Главное – манёвр. Разумеется, политический.

Вообще, ещё раз повторю, плач по поводу «странностей» Англии сам странен. В этой войне, как и в других, все друг друга используют в своих интересах. Так что Англия никому не помогала войсками – да, а с какой стати ей проливать кровь за других? Франция непосредственной угрозы Британии уже не представляла. А тот, кто мог занять её место – вполне мог стать опасным в условиях традиционно зыбких европейских альянсов. Так и пошла череда опасных пост-Бонапартов: Николай I, Наполеон III, Бисмарк б/н и т. д. Каждого, конечно, ода-рили легендами по-чёрному.

Войне 1812 года всё-таки постеснялись дать номер, типа, «... № коалиции». Вообще, нумерация коалиций лишь искусственно скрывает суть дела и, похоже, придумана не для упрощения исторического взгляда на единый и сложный процесс европейской перекройки, а для его маскировки. Главная же война названа и вовсе «кампанией». Хотя, это была, конечно, коалиция – в обратную сторону. Александр к нападению на Россию Наполеона грубо принудил. А сам на провокацию с аннексией Ольденбургского герцогства (родственник) в 1811 не поддался. На этой истории он ещё и нажился. Дело в том, что владельцев некоторых немецких земель Наполеон обвинил в нарушении режима блокады – и всё отобрал. Это была правда, и после аннексии остальные притихли. Александра за то, что он не вступился за родственника прозвали слабаком. Он же поступил хитрее и убил трёх зайцев. Принял в 1811 Положение о нейтральной торговле. Английские товары под нейтральными флагами хлынули в страну, из страны повезли залежавшееся сырьё. Это раз. Из России английские товары повезли перепродавать по суше в Пруссию и далее. Это два. Сами немцы нарушать эмбарго остерегались, а Александр наоборот, хотел Наполеона на войну спровоцировать, при этом он зарабатывал два конца. Это три. И вишенка – теперь слабаком считали уже Наполеона. На словах же Александр яростно уверял его в приверженности к блокаде. (Например, такая была шутка: англичане в нужный момент вывешивали флаг своего прошлого и будущего врага США, а там поди отличи: суда похожи, люди тоже. Шутка же была в том, что США в 1807 наложили эмбарго на торговлю со всеми воюющими странами. Получалось, что закон своей страны нарушают как будто моряки США... А может, и впрямь это были американцы? В самом деле, кто их разберёт...)²⁰

Как только Александр взял от союза с Францией максимум, он пошёл на явный разрыв. Цена очередной войны его не слишком пугала, ведь воевать он намеревался у себя дома. А что сделал за эти годы Александр с Англией? Всего-навсего приучил её к мысли, что Россия будет второй – и никуда они не денутся. Когда в 1812 Наполеона удалось заманить в глубинку и до Каслри дошла перспектива, он вообще отказал Александру в какой-либо помощи. Почему? Ведь Англия все годы стремилась во что бы то ни стало вернуть Россию в свою орбиту. А потому что стало ясно: Наполеону конец. Именно англичанам это стало очевидно больше, чем Наполеону и самому Александру. Дело было в доскональном знании событий на Пиренеях. Там грамотные действия не слишком напрягавшегося английского контингента и местных инсургентов мотали французов годами, побеждал Наполеон с огромным трудом – много раз – но не окончательно. *Слишком много где-то смыкаются с совсем ничего.*

Попытки сближения с Россией, предпринятые Англией в 1811 имели целью не подрыв режима блокады (плевать на него, экономика Англии росла только несколько медленнее), а сколачивание новой антифранцузской «коалиции» в составе: 1 – Англия, 2 – Россия. Нужно

²⁰ В любом случае, известно, что американская посредническая торговля за время континентальной блокады сильно выросла. Для прикрытия широко использовался также флаг Тенерифе.

было возобновить континентальную войну, в которой по максимуму аннигилировать «заклятых друзей» со 2 и 3 места, низвести их до Австрии и Пруссии, при этом Пруссию чуть приподнять, чтобы шеренга ровнее смотрелась. Александр твёрдо решил избегать таких коалиций: пользы от Англии ожидалось мало, вреда больше (контролёр-ревизор-гарант с блокирующим пакетом). Он решил воевать в одиночку, но формально запросил помощь, то есть предлагал сколотить коалицию в составе: 1 – Россия, 2 – Англия, – англичане закономерно отказались. Если победа, то она будет целиком его, и дальше сколачивать коалиции он будет под своим руководством. Если поражение... Что ж, два мира с Наполеоном он уже заключал, будет третий. Верить в то, что Александр был готов упереться в Камчатку, может только крайне наивный человек. Александр играл не ва-банк, но ясно сознавал, что без военного риска на позицию №2 выйти невозможно. В кругу таких же авантюристов он не выглядел изгоем. (Именно поэтому крайне нелепо, когда исследователи из всей шайки выделяют одного Наполеона.) А упускать редкий шанс, когда идёт всеобщая битва за полную перекройку мира он не хотел. (Интересно, что к этой партии подключились и США. Развязанная ими война против Британии, несмотря на поражение де-факто, всё же позволила им из третьеразрядной державы переместиться почти во второй ранг, где они закрепились в 1823, приравняв себя к Испании и Португалии.)

Уже перед самым вторжением Наполеона Россия всё ещё пыталась заключить мир с Турцией. Британия отчаянно тормозила процесс с одной стороны, Франция с другой. Обе использовали турецкий рычаг (точнее, тормоз) для торговли с Александром. Как всегда Александр бросился раздавать обещания верности на обе стороны, каких от него и не ждали. Использовал свой знаменитый приём: задушить в объятиях, зацеловать до смерти. Например, англичанам он предложил не просто мир, он щедрой рукой предложил **ВСЬ МИР!** Представил план идеальный, дабы продемонстрировать своё союзническое рвение (идеальный с точки зрения его полной утопичности). В случае вторжения Наполеона в Россию предполагалось отправить российские войска в Иллирийские провинции Франции, а после по морю, – по морю, где бы обосновались англичане – в Тироль и Швейцарию. Голарио, голарио! Дело англичан – дать оружие народам Балкан, щедро заплатить и... уговорить султана вступить с Россией – в союз (это вместо шедшей войны). Дополнительно Александр просил устроить ему транзит в Грузию по долине реки Риони и проч. и проч.

Англичане отказались целоваться по всем пунктам, кроме одного, который и был основным предметом торга. Александру класть было, конечно на Швейцарию, равно как и на Индию. Ему нужен был безотлагательный мир с Османской империей даже ценой уступок (потом все уступки Николай забрал обратно). Наполеон уже выдвигал войска к границе, австрийцы тоже. Уступки Александр готов был сделать только слабой Турции, но не сильной Англии (поди, потом, у ней отбери), которая стремилась влезть посередине гарантом мирного договора. Что такое гарант? Это не благородный парень, занявший обе свои руки руками забияк. Это полицейский с ключом от наручников, которые надел драчунам в момент рукопожатия. То есть Англия фиксировала бы продвижение России на юг. Но Александру никакой гарант не был нужен, связывать себе даже одну руку он не намеревался. В тот раз пришлось отдать туркам завоёванную Анапу, то есть часть побережья Чёрного моря, вывести войска из Молдавии и Валахии. Вах, как нехорошо.

Ситуация, кстати, повторилась зеркальным блеском. В отместку Александр через пару лет предложил такую же роль России в деле примирения Британии и США. Американцы – согласились. Англичане отмахивались от Александра, как от чумного. И трюк его – повторили! Заключили поскорее Гентский мир с уступками американцам, лишь бы не мешали заниматься дележом мира по-крупному. А успехи были большие: сожгли Вашингтон и пр. Американские фанфароны потом под русские фанфары сделали вид, что свели вничью партию с великой – величайшей – державой.)

Польская тема – это не Польша, а тема: игра Александра «в долгую» – и игра против Англии. Все эти сеймы, особые статуты, конституции и пр. – это такие вежливые кивки в сторону Лондона. Мол, сейчас опробуем на прогрессивной и культурной Польше, потом высочайше желаем даровать и России. Полякам обещали всё более и более широкую автономию с намёком на практически полную, под личной царской унией, независимость. Для этой цели раскармливалась и польская образованщина, её заботливо курировал «друг» юности. Обрётши силу, от польского проекта отказались. Поляки (вместе с Константином, Чарторыйским и проч.) обиделись и учинили войну. Николай войну выиграл и положил конец игре в бирюльки. Выиграл грамотно, по-александровски, не столько в боях, сколько признанием мировой общественности, разменяв с Англией на отсоединение Бельгии, а с Францией на присоединение Алжира. Главный французский русофоб Орас Себастьяни докладывал в парламенте: «Порядок царит в Варшаве».

Ещё одна польша – это Финляндия. Финляндия – часть Швеции, это страны английского ареала под исконно немецким управлением. После резкого падения Османской империи за её сателлита шла борьба между Францией и Англией. Россия, как главный погромщик турецкого вассала (да и хозяина), требовала свою долю. Наполеон посадил в Швецию Бернадота, англичане его перекупили, но ситуация оставалась нестабильной, Александр в сложной игре против англо-французов этим воспользовался и переперекупил ещё часть от перекупленной части и – часть Швеции прикарманил (Наполеону сказал, что крадёт у Англии, Англии намекнул, что тащит у Франции). Чтобы англичане не слишком горевали, даровал Финляндии «принципы». Созвал местных переперекупленных немцев в сейм – проголосовали – ура-ура – и навсегда разошлись хозяйничать. Хозяйничали хорошо.

Хорошим хозяевам Новой Финляндии Александр подарил и Финляндию Старую. А вот нехорошим хозяевам полякам Литву не подарил... Вообще, что Польша, что Финляндия получили прописку в Российской империи с согласия Англии. Но на условиях троянских коней. Британия сумела настоять на некоторых особых статьях, то есть, прежде всего, парламентаризме. Александру пришлось смириться с давлением союзника и эскадрон на постой определить. Англичане надеялись при помощи парламентов этих автономий расшатать «устой» метрополии. Не вышло. Против польских экзерсисов файервол настроили давно («помни о Гартли»), финнам же (хотя, каким, к черту, финнам? – немцам) парламентского громоотвода не полагалось. Кстати, все многочисленные привилегии (не платить, не служить) с самого начала были придуманы только чтобы подсластить пилюлю: сейм-то запланировали распустить ещё до первого созыва (#караулустал).

1812, далее везде

Кто-то говорит, что французы явились к нам во главе двенадцати языков, а мы им задали жару – в ответ. И потому – справедливо: «они первые начали». Иногда делают оговорку: Александр Наполеона спровоцировал. Но вообще-то сами русские войска до того подбирались к границам Франции много лет. Историки мнутя, не могут объяснить заграничных движений русских армий всех времён. Об этом упоминается в стиле «освобождали народы Европы от прусского, французского и т. п. ига». Но для отношений государств в этом нет ничего постыдного или неловкого: великая держава имеет право. И переносить человеческую мораль на отношения стран просто нелепо.

Утверждения о том, что Наполеон напал неожиданно, а Александр ахнул от такого вероломства, тоже не имеют оснований. Александр активно готовился к войне с 1810 года, а примерно – с самого Тильзитского мира, как и Наполеон. Параллельно он увещевал Наполеона в верности, вместе с тем не терял позитивного контакта с Англией, война с которой получилась долгой и почти бескровной («бездымная война»). А вот война с Францией была плановой: матч за второе место. Проблема была – заманить французскую армию к себе в подходящее время, ибо играть на их поле было безнадежно. Планы, разрабатывавшиеся с начала 1810 включали возможность и даже необходимость организованного отступления. Александру же приписывают целую речь перед послом Коленкурмом об отступлении до Камчатки и войны обескураженных французов против климата (первая в истории угроза применения климатического оружия).

На самом деле, Александр провёл реформу армейского управления, хорошо подготовил и вооружил довольно значительную армию, создал опорные пункты снабжения по трём осям планового отступления; заключил мир с Турцией и союз со Швецией (за Бернадотом уже стояла Британия), договорился с Австрией и Пруссией, что те в полную силу воевать за Наполеона не станут, была принята программа по адаптации перебиравшихся в Россию прусских офицеров (Пруссия заключила союзный договор с Францией, множество военных ушло в отставку и перебралось в Россию), был создан Русско-Германский Легион и «Комитет по немецким делам».²¹ Даже с Испанией был подписан не важный для России, но психологически неприятный для Франции союзный трактат (в местечке с претенциозным названием Великие Луки). Хитроумная дипломатия (обещать всем и всё – вещи взаимно несовместимые) Александра привела к тому, что все союзники Наполеона выразили ему свою поддержку, а в итоге каналы с Австрией и Пруссией оставались открытыми всю войну, никаких враждебных деяний, кроме самых необходимых Австрия и Пруссия не предприняли. Считается ошибкой («куда смотрело царское правительство?») продажа французам бывшей в свободном доступе новейшей столической карты. А почему ошибка? Специально и продали, чтобы глубже зашли, вот, даже карта есть, иди-не-хочу. Купятся – не купятся: Александр выигрывал в любом случае.

Всю весну Александр и Наполеон пытались заключить мир с Англией, каждая свой. Но Англия Наполеону отказала. Простой анализ показывает, почему. Даже в случае совместной победы над Россией главным бенефициаром её стал бы Наполеон. Положение Англии и Франции в таком случае быстро выравнивалось. Выгоднее было вступить в союз с Россией, получить обратно все торговые преференции, но не воевать, предоставляя возможность странам №2 и 3 аннигилировать друг друга как можно полнее. Победа же Александра над Францией не была столь критична, даже обогнав остальные великие державы, Россия сохраняла внушительный отрыв от лидера и на большее претендовать не могла. А Франция могла. (Как

²¹ Он имел невысокую военную, но значительную политическую ценность. Его с помпой продали Англии, которая его и финансировала.

средиземноморская и океаническая держава с круглогодичной навигацией). К тому же, она привыкла быть первой. Плюс новое общество. Плюс гражданская администрация. Плюс великая культура. Плюс-минус Наполеон.

Считается, что англо-русский договор, подписанный без предварительных условий после вторжения Наполеона в Россию, был неудачей Александра (до вторжения он, как всегда, выдвигал совершенно неприемлемые и крайне завышенные требования). Но Александру был нужен именно и только союзный договор, безо всяких обременений, прежде всего, по чисто политическим мотивам: ещё раз убедить вражеские Австрию и Пруссию не слишком усердствовать в войне. Договор, снимавший все дополнительные требования к Англии, снимал одновременно английские хотелки и к России, по мнению Александра, ставившие его в подчинённое положение. Все прочие требования («голландский долг», субсидии и пр.) были для него совершенно ничтожны в свете добытого суверенитета. Самые общие контуры договора хотя и были тактически неприятны (на полгода), но стратегически развязывали ему руки в отношении Великобритании после войны, не говоря уж об остальных державах. Он выдал «кредит отказов», который впоследствии востребовал в удобный для себя момент. Впрочем, неприязнь к новому главе МИД Каслри осталась. Каслри также был зол на Александра, зная, что тот оказывал давление на регента с просьбой назначить более удобную для себя фигуру (ненавидимого Каслри Каннинга или Уэллсли, брата будущего герцога Веллингтона). Разумеется, действия держав ни в коем случае нельзя объяснять личной обидой даже самых высоких лиц, это всегда доводок. А вдобавок Александр затыкал рот внутреннему проанглийскому лобби и гарантировал себе личную безопасность в условиях отступления, неизбежного и совершенно необходимого, но раздражающего ближний круг: мы теперь с *вашими* союзники, а где помощь?

Считается, что начало войны было для России неудачным, а Наполеон, как всегда, победил. А почему неудачным? Когда определилось направление главного удара, русские армии принялись двигаться точно по плану. По плану отступали и сдавали территорию, по плану разрушали стратегические объекты. По плану не отрывались от авангардов Великой армии, дабы заманивать её ещё глубже, по плану же демонстрировали готовность вот-вот дать главное сражение. Александр по плану от страха рвал на себе волосы (он был плешив). Французам давали понять, что все в панике, царь собирает манатки. Общество требует решительного боя, что уже русский Кутузов сменил нерусского Барклая, что вот-вот сейчас он приедет и по требованию бородатого купечества вступит в сражение... Потом в неделю Москву покинуло почти двести тысяч жителей – без давки и поножовщины. По плану вывезли военно-пожарную команду с пожарной техникой. Никакой неразберихи и случайностей не наблюдается. Эксцессы – были, это благодатный пяточок, на котором топчутся толпы ангажированных историков.

Однако... Кутузов не спешил (дед же старый), сражения всё не давали, вместо морозов включилось необычно жаркое лето, испарилась вода. Удар на Петербург был хладнокровно и умело отражён. Отступающие армии находились в полном порядке. Великая армия теряла от всех небоевых причин около тысячи человек ежедневно (в основном, болезни), и, ладно люди, но начался массовый падеж лошадей. Русская армия тоже несла потери, но легче их восполняла.

Всем крупным начальникам было очевидно, что всё идёт нормально с тенденцией к улучшению, и никакого сражения не требуется. Однако боевой дух армии закономерно падал. Полевые офицеры, видя всё это почти парадное великолепие и хладнокровное спокойствие командования, недоумевали, почему они отступают вместо того, чтобы дать бой. В хоре дураков солировал Багратион, бравый, но туповатый «камандыр» из «князей» востока, восполнявший унижение от побега красавицы-жены эротической перепиской с великой княжной и бессмысленными «шашками наголо». Но в преддверии Москвы вопрос переставал быть риторическим и перерастал в мысли о компетентности правительства и слабости государя. В итоге, совер-

шенно ненужный, вредный и лишний бой пришлось дать, и потом унылой пропагандой выравнять: играли хорошо, а сыграли в ящик.

Бородино – сражение уникальное. Иллюстрация фатума войны. Его исход ни на что не влиял. Все понимали, что Наполеон кампанию проиграет – вне зависимости от результата боя. Осознавал это и Наполеон. Самое ненужное сражение в истории вылилось в самое кровопролитное.

Версии о том, что Наполеон из Москвы мог уйти по южной дороге на Украину и там откормиться и пополниться под крылом союзной Австрии, после чего продолжить кампанию в 1813, совершенно ничтожны. Содержать бивак полумиллионной армии может богатая страна с населением миллионов в 25. Таких стран в Европе уже не было. Никаких новобранцев от Австрии в товарных количествах не предвиделось. На пару с Пруссией от них вытребовали около 50 тысяч плохо мотивированных солдат, а офицеры, так и вовсе получили ясную разрядку договариваться с русскими при первой же возможности, и не допускать взаимного истребления.

Британия, имея выгоду не в победе одной из сторон, а в продолжении войны за пределами России хотела убедиться, что Александр будет воевать и дальше. Никакой помощи, кроме денежной, Англия не оказывала, но Александр вторично отказался принять уже доставленную послом Каткартом субсидию (пятьсот тысяч фунтов, что составляло менее 10% русского годового военного бюджета). Александр не хотел, чтобы за гроши у него появились какие-то дополнительные обязательства, в Англии ценность этой субсидии раздули бы до небес. Александр просил оружия и действительные отношения стран (чистый троллинг) можно понять из такого факта: в октябре, когда было уже не так критично, англичане прислали 50000 плохих и неисправных ружей (в Англии они всё равно ржавели), одновременно русские отправили в Англию три эскадры негодных кораблей с необученными и больными экипажами (в России всё равно им стоять во льдах). Ружья и корабли потом взаимно чинили или разбирали на запчасти. Англичане лечили и обучали экипажи, русские лили пули под нерусский калибр... Впрочем, кое-что с обеих сторон сгодилось и в дело, например, взаимные благодарности.²²

Александр отклонял не все английские деньги. Когда дело касалось общественной значимости пожертвований и субсидий в пользу пострадавших жителей России, то, сколь бы малы они ни были и каков бы ни был их источник, средства принимались (несмотря на противодействие, например, канцлера Румянцева).

Напомню, что Британия в 1812 году вела уже войну с США (традиционный союзник Франции), крайне дорогостоящую из-за большого логистического плеча. Быстрой победы не получилось. Война длилась до самого конца 1814. В 1813 уже и в Британии отчётливо появились признаки финансового коллапса. Помимо этого английская сухопутная группировка продолжала операции в Испании, с переменным успехом. Плюс в самой Англии завелись какие-то чёртовы луддиты (до сих пор не известно, кто такие, хотя я знаю), и на подавление «пугачёвщины» пришлось отрядить войск поболее, чем торчало в Испании. За 10 лет долг Англии вырос до астрономической суммы почти в миллиард фунтов. У континентальных держав денег не было совсем. Именно поэтому стало ясно, что войне скоро придёт конец. Он был, по сути, запланирован на 1814 год, чтобы в 1815 начать расплачиваться по фантастическим займам.

Один из них делался вообще от лица несуществующего государства Германия. Его осуществляли континентальные союзники при условии погашения Британией половины суммы (Россия – треть). Впервые за всю войну Англия собрала последние силы и выплатила субсидий в 11 млн фунтов – больше, чем за все предыдущие годы. Это впоследствии усилило пред-

²² Кораблей было: 19 кронштадтских +8 архангельских +4 сеньявских, с ними Александр вернул двух английских адмиралов (агентов влияния), находившихся у него на службе (да как бы не так), корабли поступили в распоряжение Британского адмиралтейства, часть их англичане просили оставить их у себя до конца войны, т. к. они затратили деньги и время, чтобы привести в порядок матчасть и экипаж.

ставление о том, что Россия воевала за британские интересы (они же, как бы, платили за свои интересы). Но на тот год интересы в прекращении войны стали уже общими.²³ Игра подошла к концу, разорив всю Европу как целое и по отдельности. Несмотря на титанические усилия Англии в заключении единого четырёхстороннего договора, Александр до самого конца предпочитал иметь совокупность двусторонних пактов (поскольку взаимно согласовать их было принципиально невозможно). В конце концов, объединившись на самом деле, союзники Францию разгромили в два счёта. Это технически могло произойти гораздо раньше, военной силы хватало с избытком. То, что этого не случилось, говорит о «противоречивых» (то есть абсолютно одинаковых, но других) целях внутри самой коалиции (историки употребляют слово «интриги», вокруг которых крутятся «куртизанки», но это не интриги, а расчёт)²⁴. Припомнят, конечно, что Наполеон и в 1813 и в 1814 азартно громил отдельные корпуса и армии, но громил их он уже всё ближе и ближе к своей столице. Это объясняют плохим союзным командованием и нерешительностью. Но союзники планомерно выдавливали его к Парижу, ведя переговоры о мире на совершенно неприемлемых для Наполеона условиях, и по привычке никак – никак не желали объединять силы, перед решающими (внутрикоалиционными) переговорами ослабляя друг друга посредством «наполеоновских ударов». Каждый рассчитывал нанести решающий укол, но и без того Франция сражалась из последних сил и всерьёз, а союзники лениво и коварно играли – не победить было уже невозможно.

Коварнее всех оказался Александр. Он возглавил коалицию континентальных (ещё раз перевернувшихся) союзников а, заняв австрийцев и пруссаков второстепенными битвами под Парижем и выманив на них Наполеона, он своими войсками почти единолично занял столицу (Наполеон ахнул, союзники чуть не задохнулись). Все умывались кровью в поражениях от французского военного гения, он же упивался славой победителя. Для прикрытия крупнейшей военно-политической аферы придумали легенду с письмом Талейрана, который якобы и дал императору умный совет. Утверждается, что фальшивое письмо, написанное чёрти кем, умышленно корябалось французским штирлицем небрежно: почерк совсем не похож на министерский. Если бы тот стал отнекиваться, к письму Талейрана сочинили ещё легенду о перехвате лихими казаками личного письма Наполеона жене с точным указанием, куда, зачем и с какими силами он отправляется. И – ничего, поверили, и до сих пор верят... (то, что «поверили» тогда – объяснимо, люди хотели сохранить лицо, но сейчас-то чего дурака валять...)

В итоге, Россия заняла вожделенное второе место – единоличная (неслыханная) победа один-на-один в 1812 и взятие столицы врага Александром была использована на 100%. Победа (не над Наполеоном, а внутри коалиции) была безоговорочной. В сущности, в Вене «Большому А» могла противостоять только «Большая А» – Англия.

Вообще, возвращение Наполеона в момент острейшего кризиса Венского конгресса (формально, вокруг вопроса о Польше, реально – быть или не быть Александру главой царей) каким-то чудом сыграло исключительно в пользу российского императора.²⁵ Разумеется, о сто-

²³ Некоторое время особую нейтральную роль пыталась играть Австрия. Англичане, не *мудрствуя лукаво*, организовали против Франца – дворцовый переворот. Он был состряпан без особой тщательности, но Франц, раскрыв заговор, понял, что лучше ему не кочевряжиться и встал в общие ряды. Не вполне ясно, насколько участвовал в заговоре эрцгерцог Иоганн (по дальнейшей карьере не скажешь), но тень на него отбросить смогли. Заговорщики собирались (или якобы собирались) поднять восстание в Тироле одновременно против Наполеона и собственного правительства. Роль Британии (высокопоставленного шпиона, пойманного с поличным, звали Кинг) была известна и Австрии и России (у России имелся свой высокопоставленный агент Штакельберг, посол в Вене, оставшийся там после разрыва отношений частным лицом, приглядывать за).

²⁴ Куртизанок культивируют для внедрения нужной информации противнику или союзнику. Вообще, шпионы куртизанского типа не крадут информацию, через них осуществляется её вбивание. Именно поэтому докладам таких зорге не верят. Скорее, наоборот. Если куртизан сообщил о дате начала войны – отбрось её. Дата 23 июня вычисляется методами объективного контроля. Все шпионы хорошо известны. Редкие шумные разоблачения связаны исключительно с борьбой внутри контрразведки и выше. Сам полевой шпион на 90% любитель халавы и пороков: пьянство, девочки-мальчишки... Ауру мегамозга ему пришивает государство, чтобы скрыть истинные каналы (истеблишмент) и войну внутри союзов. Но ус всё время отклеивается.

²⁵ Очень хочется думать, что бегство Наполеона с Эльбы было Александром и осуществлено – никто кроме него в нём

воре трёх держав он знал, но сделал вид, что узнал только от Наполеона. Меттерниху он, по сути, задал простой вопрос, кто глава царей: я или он? Или, иначе: вам нужен глава царей или царь царей? Что бы Меттерних ни пожелал («в гробу видал я вас обоих»), видеть царём царей Наполеона не желал Александр. Договор (экземпляр Людовика) полетел в печку. Так что усилия Наполеона были обречены с самого начала. Союзники снова сплотились, точнее, сплелись в змеиный клубок. Характерно, что Александр постарался избежать участия в битвах своих войск. Он не хотел терять ничего из популярности у французов.

Считается, что в Вене Александр получил меньше прочих победителей, с трудом одну только Польшу с Варшавой, то есть обузу на 100 лет. Даже это чуть было не вызвало новую войну. Но Александр получил гораздо больше, а в сущности – всё, за что воевал. Себя – на первом месте и при себе Россию на втором. Считается также, что Россия много потеряла – людей и материальных ценностей. Но это как считать. Все прочие континентальные игроки потеряли ещё больше, особенно, если считать в относительных цифрах («на душу населения») – и при этом Франция пала и в известной степени утратила независимость. Александр заполучил свою собственную политическую систему (Священный Союз), которой практически единолично руководил.

А главное – начал ускоренно формировать идеологически и административно национальное государство. Во главе должна была стоять суверенная национальная администрация, построенная по внесловному принципу: из людей, 100% интересов которых находятся внутри страны. Тех, которые этого не захотели понять, постепенно отстраняли от власти. Всякие «тайные общества», «печально я гляжу на наше поколение»: активисты старой, не национальной системы, оставшиеся не у дел и захотевшие прийти к власти через Константина – были устранены позже как «декабристы».

Часто приходится слышать, что победа России ничего не дала: страна продолжала быть отсталой, население бедным, а вся сила России оказалась сосредоточенной в военной мощи. Но это если не считать выигрыша во времени для внутреннего переустройства государственной машины. То есть началось быстрое превращение государства из феодального в национальное. А это вообще был вопрос выживания на ближайшие сто лет. Страны, опоздавшие к процессу, были впоследствии разгромлены.

Обнулить посулы Наполеону Александр смог войной с ним. Часть взаимно противоречивых обязательств союзникам удалось пересмотреть в Вене. Но, чтобы не вызвать ещё одной войны, требовалось поддерживать состояние равновесия в выдаче обещаний, чего Александр делать не собирался. Амплитуда его «метаний» только выросла.

Тут, наконец, настало время объяснить, что такое Священный Союз, и для чего Александру он был нужен. «СС» – это инструмент торможения развития его членов. Всех, кроме возглавлявшей союз России (как сейчас ЕС тормозит всех, кроме Германии и ещё 2 – 3 привилегированных государств). В своей же стране Александр ускоренно выращивал элиту и администрацию национального государства. На момент создания «СС» то и другое находились в состоянии зародышей, первые лицеисты ещё только учились. «СС» – это инструмент консервирования старомонархических режимов в полуфеодальном состоянии и успокоения собственно монархов, попросту говоря, Александр 10 лет пудрил им мозги блаженной риторикой («мы маринуемся вместе со всеми»), а, когда в 1825 все вроде бы вздохнули с облегчением, то обнаружили ещё более упрямо твердящего мантры Николая. Тут получает ответ вопрос, зачем пригласили в Вену такую прорву монархов, вместо того, чтобы продиктовать им условия. Главное, конечно, было законсервировать в идиотской стадии 200+ государств германские земли – потенциального еврогиганта, вторая цель – удержать в ассортименте монархиче-

не был заинтересован. Вспомним, что он настоял на ссылке Наполеона неподалёку от родных краёв, англичане, например, сразу хотели отправить его куда подальше.

ских консервов привыкшую первенствовать Францию от реванша – не военного, а в попытке создать государство нового (модернового) типа. Германским землям в Вене гарантировали статус независимых аутсайдеров. Микромонархи бросились целовать благодетелям ноги. Нация проиграла. Англия и Россия пристегнули бонус весом в полвека, Франция на 15 лет меньше. Именно поэтому деятельности «СС» до поры попустительствовала Британия. И перестала она попустительствовать, когда поняла суть этой дымовой завесы, за которой быстро набирал вес грозный колосс с машинным типом управления, против которого не было оружия.

Матёрого зверя Францию валили (с 1-го места на 5-е) 23 года всей Европой по очереди и вместе. Чтобы объяснить, почему так долго, придумали гений Наполеона... Всей варварской Европой культурного и, в общем, гуманного лидера. Если бы не свалили, это был бы, без сомнения, гораздо лучший мир. Но, в лучшем мире России, вероятно, не было бы.

Желанная война один на один

Наполеон уже одержал победу в неслыханной доселе битве, взял одну из неприятельских столиц, а к нему так никто и не вышел. Он отправил в Петербург гонца с предложением мира, но Александр не ответил.

Это было странно. Попросту – где это видано? Ведь, вообще говоря, война – это такие специфические переговоры.

И тут что-то начало проясняться. Как в фильме ужасов. Кто все эти улыбочивые рожи с говорящими по-французски ртами? А это оборотни. Сирены.

Тогда император французов возопил снова. И опять – как в вату.

Состояние двух монархов часто описывают сюжетом Эдгара По «Бочонок Амонтильядо». Нет, ну правда:

«Тысячу обид я безропотно вытерпел от Фортунато, но, когда он нанёс мне оскорбление, я поклялся отомстить. Вы, так хорошо знающий природу моей души, не думаете, конечно, что я вслух произнёс угрозу. В конце концов, я буду отомщён: это было твёрдо решено, – но самая твёрдость решения обязывала меня избегать риска. Я должен был не только покарать, но покарать безнаказанно. Обида не отомщена, если мстителя постигает расплата. Она не отомщена и в том случае, если обидчик не узнает, чья рука обрушила на него кару.

Ни словом, ни поступком я не дал Фортунато повода усомниться в моем наилучшем к нему расположении. По-прежнему я улыбался ему в лицо; и он не знал, что теперь я улыбаюсь при мысли о его неминуемой гибели».

Надо ли объяснять, кто в середине 1812 «Счастличик» и кто – претерпел тысячу обид? Под Аустерлицем, в Тильзите, Эрфурте, Смоленске? Наконец, пощёчина в Москве...

Ходят слухи, что Александр готов был отступить до Волги, Сибири, Камчатки. В то время, кстати, запасным аэродромом могла выступить и Америка. Впрочем, было очевидно, что «дядя шутит». Историки советские, обвешавшись как погонами этими репликами Александра, прикрывали ими маршальские успехи под Сталинградом.

Вопрос, почему Александр не вступил в переговоры с Наполеоном в сентябре 1812, не решён и не решается. Я подчеркну, вопрос ставится не «почему он не заключил мир или перемирие», а «почему не пошёл на переговоры вообще».

Немного об исторических вопросах. Известно, что правильно поставленный вопрос – половина ответа. На вопрос, почему Александр не пошёл на мир можно шелестеть письмами, листать воспоминания и отвечать – как угодно. Это ничего не даст. Монархи того времени легко заключали и разрывали союзы. И мир и миры рвали. От переговоров же не отказывались, всё время находились на прямой линии.

И в самом деле получается, что как Монтрезор из рассказа По, наше сокровище – обиделось. Вот прямо так и говорят. Про Сталина нет такого: ибо железный человек в сапогах и френче. А нежный Александр оскорбился и затаился в анфиладах Зимнего. И оттуда молчал, так что уши закладывало.

Вообще мировая историография замалчивает самого Александра. Между тем поступки русского монарха в эпохе начала XIX века – главные. Не вопрос о жизни и отравлении Наполеона, не почему зарезался Каслри, кто упёк короля Георга в психушку, или, допустим, чего ради застрелили Персиваля, а, например, **почему русских не было при Ватерлоо**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.